Превратности судьбы

Автор:
Виктор Мишин

Превратности судьбы

Виктор Михайлович Мишин

Военная фантастика (АСТ)Солдат #2

После первых и жестоких боев в самой значительной битве Великой отечественной войны Александр Иванов заканчивает восстановление в госпитале. Судьба дала ему шанс, и он не погиб в страшном водовороте событий, но на фронт возвращается несколько иной человек.

Сталинградская битва на исходе, но приключения находят его везде. Измена командира, преступление, наказание, все это заставляет сержанта Красной Армии изменить свое отношение к месту и времени своего пребывания.

Александр уже не испытывает того первого и жгучего желания убивать врага. Пытаясь найти себя, герой попадает в новые передряги на полях сражений. После одной из которых его судьба вновь переворачивает все с ног на голову. И вот Александр уже там, где на первый взгляд войны вроде как и нет, но солдат, он везде – СОЛДАТ.

Виктор Мишин

Превратности судьбы

© Виктор Мишин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательствасчитается противоправным и преследуется по закону

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 128

Интересно, если приходишь в сознание, а перед тобой белый потолок, это хорошо или плохо? Минут пять уже разглядываю белый, с небольшими желтыми разводами потолок.

«Госпиталь, что ли? Вряд ли в земле будет так светло». – Пазлы в голове начинают помаленьку собираться вместе, образуя что-то цельное.

Было что-то плохое, это я помню. Танк выстрелил в мою сторону. Вроде не помер пока, помню, как слышал голоса людей, что откапывали меня, значит, откопали все же. Черт, а ведь сглазили меня тогда товарищи командиры. Как чувствовал, не хотел высовываться, рисоваться, прятался, сколько мог, даже сбитый самолет другому парню «подарил», а его убили почти сразу. Там, в городе на Волге, меня наградили медалью «За отвагу», а после этого удача взяла и отвернулась. Лежу вот сейчас, даже дышу и то с трудом. Куда меня ранило-то? Вроде фашистский снайпер мне ногу прострелил, а потом… Потом был танк. При воспоминании что-то защемило в груди. Попытался перевернуться на бок, внутри что-то резануло и опять потемнело в глазах.

– Товарищ ранбольной! Вы зачем с койки слезаете? – донесся до меня голосок санитарки.

Подняв глаза, исподлобья смотрю на молодую девушку в белом халате и маске на лице. Как догадался, что молодая? Так глаза-то не скроешь…

– Кольнуло что-то, вот и скрючился, никуда не собирался, – тихо ответил я. Во-первых, в палате было тихо, кто-то даже спал на койке возле окна. Во-вторых, сил не было вообще, даже говорить пришлось через силу. Впервые у меня такое чудо, даже струхнул немного. Теперь в полной мере ощутил, что значит

выражение «Выбился из сил». Поднимаешь руку, а кажется, что в ней гиря лежит. Хочешь сжать кулак, а он, зараза, не сжимается.

– У вас тяжелое ранение, вы несколько суток без сознания, но Александр Григорьевич говорит, что организм сильный, у вас хорошо заживают раны. Поправитесь, только не нужно делать резких движений.

– Красавица, а, что у меня за ранение такое, я только в ногу помню.

– Осколочное, в грудную клетку справа. Говорят, в вас танк выстрелил, но вы живы.

– Красавица, – продолжал я заигрывать, правда сиплым голосом выходит с трудом, – а где я вообще? – Меня интересовало, куда меня увезли.

– Недалеко от Сталинграда, Александр Григорьевич говорил, что в госпиталь вас повезут, только когда состояние станет стабильным.

– Ясно, – подвел итог я, – а как вас зовут, сестричка?

– Машей, ой, – вскрикнула девушка, когда внезапно распахнулась дверь. – Александр Григорьевич, он в себя пришел!

– Вижу, Маша, вижу. Иди, я позову, – врач какой-то чересчур серьезный.

– Здравствуйте, товарищ военврач…

– Военврач второго ранга Колокольцев, – как-то резковато произнес доктор.

– Сержант Иванов, скажите, товарищ военврач второго ранга, правда, что меня куда-то везти хотят? – Не хотелось бы уезжать далеко.

– Как только исчезнет непосредственная угроза жизни, сразу отправят дальше в тыл.

– А может, я здесь как-нибудь поправлюсь, зачем меня куда-то еще везти?

– Приказ комдива тринадцатой гвардейской: обеспечить наилучший уход и сделать все возможное для полного выздоровления. – Мне как-то сразу стало неудобно. К чему такое внимание? – А вы, я вижу, время не теряете, только очнулись, сразу к сестричкам приставать…

– Доктор, то-то я гляжу, вы как-то зло на меня смотрите. Простите ради бога, просто уж такая привычка, разговаривать с девушками вежливо. Извините еще раз, дурного в голове точно не было. – Ясно, врач на девчушку глаз положил, а тут я со своими любезностями.

– Это вы меня извините, если я был слишком груб, – пошел на попятную врач, – Маша – моя супруга, а здесь, в госпитале, очень много мужчин… – Вон в чем дело-то!

– Я все понял, доктор, проблем с моей стороны не будет! – твердо заявил я врачу, несмотря на мой сиплый голос. Доктору-то лет сорок, а девчушке едва двадцать, переживает, солдаты-то в основном молодые парни. Но у меня характер другой, никогда не стану отбивать чужую жену, так воспитан. – Доктор, что у меня с ранением не так? – перевел я разговор в подходящее русло.

– У вас осколок небольшой в легком. Два мы достали, они близко сидели, а вот один остался. Уж извините, опыта моего не хватает провести такую операцию. Кстати, если бы не стальной портсигар, что у вас в кармане был, мы бы не разговаривали, – доктор явно смягчился.

– Что, так глубоко залез, зараза? – интересуюсь я, пытаясь через бинты рассмотреть хоть что-то на груди.

– Да уж. Вошел ниже ключицы и попал в легкое. А два других, видимо, пробив портсигар, потеряли свое убийственное воздействие и лишь немного углубились, не достав до жизненно важных органов. Как у вас, болит? Что чувствуете?

– Чувствую, как в грудине колет и режет, я думал, что это сердце…

– Скорее всего, все же осколок беспокоит. Времени прошло мало, он еще не оброс тканями, возможно, шевелится и причиняет вам боль, – заключил врач. – Мы и не перевозили вас исключительно потому, что боялись за последствия.

Теперь же, после того как вы очнулись, я уверен, что дорогу выдержите.

– Дорогу осилит идущий? – с улыбкой произнес я, взглянув на врача.

Тот машинально кивнул, но тут же сменил тему:

– Вас сюда на руках принесли, что же вы за сержант такой, если целый комдив за вас беспокоится? – Мне стало неловко.

– Да обычный сержант. Представления не имею, чем обязан такому отношению к свой скромной персоне. – Черт, лежу тут чуть живой, а все равно хохмить хочется. Поговорив с врачом еще минут пять, остался вновь в одиночестве. Доктор сослался на занятость и ушел, обещав осмотреть через пару часов. Прикрыв глаза, я вдруг задумался. Мысли, кстати говоря, были далеки от веселых. Я вдруг осознал, что мне страшно. Страшно не погибнуть, а умереть вот так, в госпитале, а не в бою. Когда только сюда провалился, сразу почему-то настроился на то, что погибну, вряд ли смогу протянуть в такой бойне долго. А теперь вот испугался наконец. Только сейчас, лежа тут практически без движения, подумал, что хочется еще пожить. Очень интересно было бы пожить в этом Великом времени. Посмотреть на мирную жизнь, сделать что-то важное и нужное. Знаю, что после войны будет очень тяжело в стране, но… интересно же! А страх появился. Это ведь в кино только солдаты ждут и весело обсуждают, как Берлин брать будут. На деле не видел в Сталинграде ни одного бойца, что думал хотя бы о победе в городе, не то что о Берлине мечтал. Самая распространенная мечта: дожить до завтра.

Утром, дав мне, кстати, выспаться, пришел врач. Не перетаскивая меня куда-либо, устроил экзекуцию под названием осмотр и перевязка. Орал я сильно и долго, зато хоть на чуть-чуть, на самую малость осознал, через что прошли деды. Тяжко мне, но я вытерплю, во-первых, а куда деваться? А вот во-вторых, другие-то терпят, и похлеще раны бывают. У меня-то так, тяжелое, конечно, но не настолько, чтобы умирать тут, причитая о боли. Вообще, я с детства легче воспринимал боль сильную, чем, скажем, какую-то слабую и ноющую. Легко переношу лечение зубов, удаление, боли при пульпите, когда рот не закрыть, но крайне хреново мне, когда зуб просто ноет, только заболев. Помню, как-то в детстве стекло упало на запястье, стою как дурак, разглядываю белые сухожилия, а боли не чувствую. Друг рядом стоял, смотрю, аж весь позеленел, а мне интересно стало, разглядываю, только пальцы грязные туда не сую. Меня тогда мать друга осмотрела, медсестрой в больнице работала, говорила, что

нужно обязательно в травмпункт и зашивать, а я стрептоцида насыпал на ранку, бинтиком махнул и опять шляться побежал. Все заживало всегда как на собаке. В то же время маюсь с детства спиной. У меня вообще лет с семнадцати есть только две стадии боли в спине, либо она такая сильная, что мне вставать-то тяжело, либо слабая, которую почти не замечаю. Такого, чтобы она вообще не болела, просто не бывало. Вот и здесь, чувствую, как нога горит, там явно что-то не в порядке, чистить сейчас будут, а вот в груди, где вроде бы ранение серьезней было, боли почти не чувствую. Болеть-то болит, но как-то не думаю об этом. Тем временем доктор приступил к ноге. Больно было, ни в сказке сказать, ни перфоратором выдолбить. Мать его, этого коновала, он там, похоже, мне всю ногу распахал от колена до паха, копается там, как Дед Мороз в мешке с подарками. Не выдерживаю:

– Док, ну дай ты мне по башке чем-нибудь, нет сил уже терпеть…

– Так не терпи, вырубайся, чего сопротивляешься? – этот гадский эскулап еще и смеяться изволит. Представив, что там внутри раны и как туда лезут руки врача, наконец, вырубился.

Не знаю, сколько я так провалялся, но очухался с чувством, что ноги у меня уже нет. От боли в груди опять скрутило, когда попытался поднять голову, чтобы рассмотреть ноги. Собрав, казалось, остатки силы и воли, все-таки смог приподнять голову и посмотреть. Фу-у-у! На месте мои долбаные заготовки. Почему же я не чую ногу?

– Боец, ты чего, выпрыгнуть из койки собрался? – раздалось от двери.

– Док, что с ногой? – шепотом, голоса почему-то не было, спросил я.

– Вот как орал-то, аж голос сорвал, – издевается врач, – да на месте нога, почистили как следует, онемела, что ли?

– Не чувствую!

– Подожди, часа еще не прошло, отойдет. Перетянули чересчур сильно, но ничего, все в порядке будет. Грудь как, говорить больно? Кашляешь?

– Нет, не кашляю, а когда говорю, что-то как будто мешает немного, вот тут, – я указал рукой на центр груди, ближе к горлу.

– Возможно, слизь скопилась, кровяные сгустки, выхаркаешь позже, оно, когда к горлу подходит, хорошо вылетает!

Лучше бы он этого не говорил. Еще не дослушав, меня обильно вырвало прямо на него, стоял-то врач склонившись надо мной.

– Черт, ну зачем же сразу блевать-то было? – выругался доктор и убежал, весь в моей б… В общем, в том, что у меня стояло в глотке или в бронхах, хрен поймешь. Во рту помойка, но чую, что стало легче. На смену доктору примчалась санитарка. Притащив с собой какое-то белье, принялась меня обихаживать. Толково действует тетка, просто умница, пока ворочала меня, даже не пикнул, почти не больно было. Как-то она все аккуратно так делает, вроде быстро, но меня почти не тревожит.

Держали меня в этой лечебнице четыре дня, а на пятый появился конвой, тьфу ты, два рослых санитара. Меня на носилках доставили к полуторке, увидев ее, мне опять стало плохо на душе.

Казалось, везли целую вечность, на самом деле всего часа два. Привезли на какую-то станцию, там пришлось прождать еще около трех часов, прежде чем подошел эшелон и меня, наконец, погрузили. Санитарный поезд двигался медленнее приснопамятной полуторки. Нас то и дело останавливали, загоняли на второстепенные пути и тупики, пропуская воинские эшелоны на фронт. Таким вот макаром в славный город Куйбышев мы прибыли только через три дня. Три дня в «санитарке» показались мне месяцем. Постоянные стоны и крики раненых бойцов сводили с ума. Сам-то я уже откричал свое, а тут… Кто-то потерял ногу и просто без остановки матерился на врачей за то, что они отпилили ему «здоровую» ногу, хотя сам тут же оговорился, что на мину наступил. Кому-то от близкого разрыва снаряда вышибло глаза, этот вообще рычал всю дорогу, монотонно, зло. Когда меня выносили, я уже хотел обратно на фронт, как представлю себе, что все это придется слушать в госпитале, да еще и неизвестно сколько, как-то и жить не хочется. Такие испытания ранбольных похлеще фронтовых будней будут. Первая же мысль, что проскользнула в голове уже на вторые сутки в поезде, была: «Лучше бы убило к чертям, чем вот так, как

морковка, когда ее вытащили из гряды по осени. Лежит, а сделать ни фига не может».

Все-таки какой-то из коммунистических богов или демонов вновь вступился за меня. Я попал в палату почти к таким же. Хоть и была та палата аж на двенадцать персон, но лежали в ней сплошь тихие. На второй день по приезду меня утащили на операцию. Мурыжили полдня, наверное. Какой-то древний, как экскременты мамонта, седой, с козлиной бородкой врач молчаливо изучал меня. Щупал, тыкал, мял, делал рентген, кивал сам себе и продолжал заново. Наконец, и сам седой мамонт утомился. Было принято обалденное решение не трогать осколок, оставшийся в моем теле, по крайней мере пока. Будут наблюдать, следить за тем, чтобы кусок немецкого железа не полез куда не надо. Сказали, что если врастет в плоть, опутанный тканями, и не будет тревожить, то и не нужно делать такую сложную операцию, при которой я просто могу кончиться. Я принял это спокойно, ну а что? Если и правда зарастет, так и хрен с ним, дед у меня сорок лет прожил так же, с осколком в груди, тоже в легком застрял и вынимать не стали. Поэтому было все равно, лишь бы скорее встать на ноги. А вот с этим были проблемы. Нога почти не болела, но чувствительность не восстанавливалась. Надеюсь, все же через какое-то время вернется, совсем не хочется становиться инвалидом, я на фронт хочу. Под самый Новый год я начал вставать. Нога по-прежнему мерзла и плохо слушалась, но все-таки была уже не той деревяшкой, с какой я сюда прибыл. Грудь оставили в покое, окончательно объявив, что трогать не будут, осколок сидит намертво и мне никак не мешает, он и был-то, судя по фоткам, ну, рентгеновским снимкам, конечно, с ноготь величиной. Тридцать первого, к обеду, у нас был запланирован концерт. Я тут в местную филармонию поступил, ну, ансамбль в госпитале сколотили, нет, не с моей помощью, я все молчал в основном. Даже ругались со многими, им не нравилось, что я молчу. Один даже следаку местному настучал, представив меня шпионом. Особист даже поржал немного, когда вызывал к себе:

– Ну чего, шпиён, много вынюхал тут, в госпитале? – смеялся капитан госбезопасности.

– Ага, так нанюхался, что уже, наверное, нюх потеряю скоро.

– Э-э, нет, вот нюх терять не надо! – Вмиг сделавшись серьезным, капитан ГБ уточнил: – Я изучал твое дело, ты хороший боец, оказывается. А то, что молчун… Ну, так и специальность у тебя, гляжу, не самая разговорчивая. Я беседовал с врачами, вроде говорят, что дела у тебя идут хорошо, «списывать» тебя не

собираются.

– Хоть одна хорошая новость за последний месяц, спасибо, товарищ капитан госбезопасности.

– Да ладно тебе. Ты скажи лучше, чего с бойцом не поделил, что он на тебя «телегу» мне настрочил?

– Не имею ни малейшего представления, товарищ капитан. Он частенько подходил, раньше все пытался на разговор вытянуть, а мне как-то неинтересно было, чушь несет, если честно, вот я и молчал. Один раз, правда, сказал ему, чтобы не подходил больше, мне с ним не о чем разговаривать, вот, наверное, и взъелся на меня…

– А что за чушь нес? – живенько так заинтересовался капитан.

– Да я же говорю, фигню какую-то, поэтому меня даже не заинтересовало. Ведь когда неинтересно, то и не помнишь, о чем был разговор. Да и не было разговора-то, он один говорил.

– Ясно, но ты это, все равно… – чуть замялся следак, или он опер, не разберешь, – если чего-то вспомнишь случайно, расскажи, ладно?

– Без проблем, – твердо произнес я.

– У тебя тут в деле интересные цифры фигурируют. Это правда, что у тебя сто семь подтверждённых фашистов?

– Извините, товарищ капитан, я и не знаю, некогда мне считать-то было, командиры считали, они и писали. Думаю, если и ошиблись, то немного. Десятка два или три недосчитались…

– Чего-чего? – выпучил на меня глаза следак-опер.

– Ну, ведь не всегда же кто-то мог зафиксировать факт уничтожения противника, я иногда и в одиночку работал, а иногда в зачистках и штурмах участвовал, кто же там считать будет? Рот откроешь, а тебя уже съели. – Нет, ну

а почему я должен был скрывать то, что я убил гораздо больше врагов, чем мне насчитали официально? И не выделываюсь ни грамма, просто правду говорить приятно, меня спросили, я ответил.

Пел в нашем ВИА гармонист. Как же он пел… Я играл на гитаре, больше было некому. Те, кто умели, как назло имели ранения рук, вот я и вызвался. Получилось, на мой взгляд, живенько и… нет, не современно, а больше похоже на музыку из моей прошлой жизни. Этакие ремиксы выдавал. Все даже сначала обалдели слегка от моей игры. Здесь так еще не лабал никто. Отрывки различных симфоний и прочих классических произведений произвели фурор. Пальцы хоть и болели, тело до моего вселения, видимо, не умело играть, но слушались как родные, сбивался очень редко. Чуть-чуть из Бетховена, немного Моцарта и Шопена, зацепил моих современников: Эйнауди, «Скорпионс», люди просто слушали, боясь шевельнуться, но это я так, немного развлекался. В основном все же просто подыгрывал, раненые бойцы хотели песен, и они у нас были. Под конец все же не сдержался:

Среди связок в горле комом теснится крик,

Но настала пора, и тут уж кричи не кричи.

Лишь потом кто-то долго не сможет забыть,

Как, шатаясь, бойцы о траву вытирали мечи,

И как хлопало крыльями черное племя ворон,

Как смеялось небо, а потом прикусило язык.

И дрожала рука у того, кто остался жив.

И внезапно в вечность вдруг превратился миг…

Черт, ну не хотел же… Блин, что я наделал! Ведь и раньше видел гитару, даже в руки брал, но сдерживался, ну нельзя высовываться, нет, твою дивизию, вылез, блин, Цой доморощенный. Прости, Витя, не хотел, но чьи еще песни достойны того, чтобы звучать в любые времена? Таких как ты по пальцам можно пересчитать. Что было в маленьком спортивном зале бывшей школы, превращенной в госпиталь, мне не передать. Мне в жизни приходилось видеть разную реакцию на музыку или определенную песню, но чтобы плакали все взрослые парни и мужики, что были тут в зале, а их тут по меньшей мере человек сто, да какое тут, больше, такого я не видел никогда. Я даже смог

встать и уйти, тоже не скрывая слез. Меня никто не остановил, никто не окликнул, и это было очень хорошо. Меня, наконец, пробило. Спустя полгода жизни в другом времени меня так долбануло по мозгам, что я, честно говоря, засомневался, есть ли они, мозги-то. Я попал сюда, пошел со всеми на фронт, научился воевать, убивать, выживать, дружить и ценить, но… Я не отсюда. Мне только сейчас удалось понять, почему я так легко шел под пули, буквально лез на врага. До меня дошло – и я испугался. Испугался того, что больше не смогу, когда настанет время, вернуться на фронт. Мне было легко, потому что пытался просто применять знания, шел вперед, не думая, как делают здесь, а так, как делают Там. Здесь, когда путь перекрывает пулеметный дот, его пытаются и грудью закрыть, и целой ротой лечь, если нужно, но дать пройти другим, возможно, по твоему трупу пройти. А я поступал совсем не так. Где кто-то хотел броситься под пулемет, я просто искал удобную позицию и уничтожал прицельным огнем и пулеметчика, и тех, кто придет к нему на смену. Вместо того чтобы лечь под танк с гранатой, заставив ценой своей жизни остановиться смертоносную машину, я придумывал способ, как ее уничтожить, оставаясь в живых, и ведь получалось! Иногда люди на меня смотрели, не понимая, что я делаю, даже ругались, когда я, подстрелив одного фрица в ногу, спокойно дожидался, когда за тем придут товарищи, отстреливая их как зайцев. Для местных это дикость, бесчеловечность. А как на меня в первый день смотрел лейтенант Нечаев, когда увидел, что я подсовываю гранату под труп немца… Если в СССР есть специальный человек или целая контора, что отслеживает все непривычное, то… скоро за меня возьмутся. Через час примерно, когда я сидел на улице, дышал морозным воздухом через самокрутку, меня нашли.

– Слышь, сержант, это что такое было-то? – Капитан ГБ тоже присутствовал на нашем маленьком концерте.

– Что-то случилось? – как бы непонимающе спросил в свою очередь я.

– Ты что там с нами сделал? Все как один в слезы ударились! – А капитан-то и сам, видимо, всплакнул, вон глаза какие краснющие.

– Да нашло что-то, виноват, – спокойно ответил я.

– А что это за песня? Никто такой не знает, даже не слышали.

– Да паренек один стихи прочитал мне, там, в Сталинграде… – я опустил взгляд в землю. – Я просто попробовал музыку добавить, как, получилось?

– А как ты думаешь? Там все просто в ступор впали, как гипноз какой-то! Меня тоже пробрало. Я ведь здесь не всегда в тылу отсиживался. Воевал под Харьковом, был оперативником в одном полку, там ведь и повара воевали, хотя ты же сам там был, знаешь, о чем говорю. Здесь я оказался по ранению, да командование так тут и приказало оставаться, работы-то везде хватает.

– Я не помню, что было до Сталинграда. С головой что-то случилось после близкого взрыва, вроде как память отшибло. Доктора говорили, что это последствия тяжелой контузии, я имя-то свое только из документов узнал.

– Тяжело тебе пришлось, – кивнул капитан, – много вас таких попадается. Паренька танкиста видел с месяц назад, от вас привезли, из Сталинграда. В танке чуть не сгорел, чудом вылез, так все детство помнит, а после четырнадцати лет ничего, вот так.

– Дела-а… – протянул я.

– А паренька того, что тебе стихи рассказывал, надо бы найти, – вернулся к песне капитан.

– Боюсь, товарищ капитан, что его мы найдем, когда будем город заново строить, – вновь повесил голову я.

– Погиб, – не спросил, а именно констатировал гэбэшник.

– Ага, вечером сидели рядом, он стихи читал, что после боя написал, а утром его уже нигде не видно было. Куда пропал? Не знаю, хотя их взвод вроде в атаку ходил, наверное, там и сгинул.

– Ты хоть, как его звали-то, помнишь?

– Виктором вроде, фамилию не слышал. Там у нас иногда за день два раза состав взвода менялся. Не то что разговаривать, знакомиться-то перестали, не до этого как-то было.

– Да уж, боюсь даже представить. А ты почему медаль свою не носишь? – съехал на другую тему капитан.

– Так не знаю где она. Очнулся в санбате в каких-то лохмотьях, где моя форма, так и не узнал. Один из санитаров точно не знал, но предположил, что форма была испорчена, и ее наверняка выкинули. А уж где медаль, подавно не знаю.

– Да, я читал, тебя без сознания нашли, таким же и в санбат притащили. Ты очухался вроде только после операции.

– Что-то вроде того, – пожал я плечами.

– Я к чему про медаль, представление на тебя пришло. В смысле, мне доложили, что будет награждение, завтра скорее всего. Тут вас из тринадцатой гвардейской немало, видно, комдив там не забывает ничего, раз сюда награды прислал.

– Александр Ильич вот такой человек! – я показал капитану оттопыренный вверх большой палец.

– Ладно, поздно уже, давайте по палатам, – капитан козырнул, я был с голой головой, поэтому только пожал протянутую руку и вернулся в палату.

На удивление, меня никто и ни о чем не спросил. Хотя тут все знают мой угрюмый характер, может, еще и поэтому ребята просто молчали вместе со мной.

К обеду первого января всех награждаемых в госпитале, а нас таких собралось аж двадцать восемь человек, почти панфиловцев, построили в том же спортзале, как самом большом помещении госпиталя. Ходячих, конечно, пятеро вообще еще в лежку лежали. Один из лежачих, кстати, артиллерист из соседнего со мной полка нашей же дивизии, был удостоен Звезды Героя Советского Союза. Церемония была недолгой. Быстренько обойдя маленький строй награждаемых, какой-то генерал со Сталинградского фронта зачитал наши заслуги, мои почему-то произнес как «Множество уничтоженных солдат и офицеров гитлеровской армии», и раздал всем причитающиеся награды. Мне

достался орден Красной Звезды. Черт, приятно-то как, просто обалдеть. А еще сюрпризом оказалось, что мне из сталинградского госпиталя привезли специально мою медаль «За отвагу». Оказалось, что мои лохмотья санитары выкинули, но медаль заботливо сохранили. Теперь у меня на пижаме висели обе моих награды. Висели, пока до палаты не дошел и не снял. Понимаю, что нужно носить, но не на пижаме же.

Чуть позже, после награждения, мне в довесок передали письмо. Писал лично капитан Смолин, вот мужик, не зря учителем был, почерк – идеальный, слог, как в книге. Главная новость, что перешли наконец в наступление и замкнули кольцо окружения, ну, об этом я и так знал, здесь все в последний месяц только об этом и говорят. Фрицы, что сидят в городе, укрепились и стоят насмерть, в этом плане стало сложнее, но в то же время фрицам обрубили все каналы снабжения, голодают уже и мерзнут. Да, насколько я помнил из Той жизни, тяжко немчуре в своих куцых шинельках. Там морозы до сорока доходят, танки у них вообще стоят, редкий случай, когда где-то вылезает один-два. А для меня лучшей новостью стало известие о Петрухе. Оказывается, этот бродяга лежал в том же госпитале, что и я до отправки в Куйбышев. Ему тогда тот долбаный снайпер попал в руку, в район бицепса, и так вышло, что пуля, пробив насквозь руку, ушла в тело. Сломала пару ребер и застряла в левом легком, вот как, мы с ним теперь точно как братья, даже ранения схожи. А исчез он тогда с улицы благодаря разведчикам. Те дождались, когда я завалил снайпера, и рванули из дома, по пути прихватив и раненого Петра. Дождавшись ночи, капитан, в пару взяв бойцов из тех разведчиков, отправился на мои поиски, он не верил, что я погиб, и оказался прав. Меня откапали и сразу переправили на восточный берег, а там уже в местном госпитале мне и провели все операции. В конце письма Смолин сообщил, что в часть вернулся Нечаев, здоровый, рвется в бой, передает привет и жалеет, что со мной так вышло. Сам капитан получил уже звание майора и возглавил наш батальон, а Лехе Нечаеву отдали нашу роту. Бывший капитан, а ныне, значит, майор, плачется в письме, что снайперов не хватает. Почему-то их быстро стали выбивать. У немцев появилось какое-то невообразимое число снайперских команд и одиночек, ощущение, пишет комбат, что снайперами стали все, кто воевал ранее с простой винтовкой, чуть не в каждом доме сидят, не просто так сидят, охотятся нагло и очень результативно. Майор потому и занял должность комбата, потому что прошлого убил снайпер. Здорово проредили наших стрелков. Зайцев ранен и в госпитале, причем очень серьезно, вроде как в голову. Чехов пропал, точно пока не известно, когда и куда. Молодые, что были у него учениками, испытывают недостаток в опыте. В общем, для самого результативного стрелка Сталинграда есть работа, а вот сам стрелок где-то отдыхает… Прочитав послание, усмехнулся. Командир у нас с

юмором мужик, где только нахватался, поначалу вроде довольно строгий был, но без закидонов, не перебарщивал, на многое глаза закрывал.

Пятнадцатого января, разругавшись со старлеем, что ведал распределением выздоравливающих, чуть не уехал на Центральный фронт. Сидит, блин, жопа шире плеч, у него, видите ли, приказ снайперов отправлять именно на Центральный.

– Товарищ старший лейтенант, – сдерживаться становилось все сложнее, – ну сделайте исключение, я в Сталинграде нужен, меня комбат ждет, у него с вражескими стрелками совсем беда, все друзья там, пойдите навстречу…

Уговаривал почти полчаса, пока не появился какой-то подполковник, с интересом слушавший, стоя в сторонке, наш разговор.

– Лейтенант, в чем проблема-то, отправь парня в Сталинград, чего ты привязался?

Старлей вначале огрызнулся и на подпола, но все же сменил свой гнев на милость.

– Ладно уж, пойду навстречу, но ты, сержант, вообще-то толкаешь меня на преступление…

– Ну, хватит причитать-то, старлей, то распоряжение, что ты цитируешь, носит рекомендательный характер, а вовсе не обязательный.

Мне повезло, все-таки я возвращался к друзьям. Я так соскучился по всем парням, что хотелось бежать в Сталинград не останавливаясь. Конечно, я прекрасно понимал, что меня ждет там, на фронте, тем более последнее ранение заставило меня несколько по-другому взглянуть на войну. Война это очень тяжелая работа, кто бы что ни говорил. Как в ноябре мы долбили мерзлую землю, создавая траншеи, углубляли уже отрытые, строили укрепления. Чуть позже мы наловчились здорово «рыхлить» землю, чтобы легче было копать мерзлый грунт, а вначале только лопаты да ломы. Не помню уже, кто первый

предложил идею, но опробовав, всем понравилось, и мы приняли такой способ на вооружение. А способ, как это ни смешно, нам подсказали фрицы своими регулярными артобстрелами. Заметив, что там, где лопнул снаряд или бомба, да даже простая мина, выпущенная из миномета, земля мягкая, мы взяли пару толовых шашек и, выкопав небольшую лунку, заложили заряды. После того как рассеялся дым и улеглись наконец падающие с неба комья земли, мы радостно принимались за дело. После взрывчатки копать было на порядок веселей. Один раз только кто-то из нашей роты решил схалтурить, ускорить процесс. Заложил заряд на глубину штыка лопаты, да еще и шашку взял, не одну, а целых четыре. Знаете, что было, когда она рванула? А ни хрена не было, нам потом пришлось воронку, почти три метра в диаметре и в метр глубиной, дружно засыпать. Четыре шашки сделали на месте подрыва огромную яму, которая мало подходила на роль траншеи. Сюда теперь и танк можно было бы засунуть, не то что пехтуру.

Снег кружился в небе, удивительно, сегодня выдался такой обалденный денек, даже жаль, что эшелон уже через час. Ветра нет совсем, облака хоть и низкие, но вокруг так светло от падающего снега. Здесь, в Куйбышеве, сегодня всего градусов пятнадцать мороза, при полном отсутствии ветра это даже тепло. Вон, бойцы на вокзале даже уши на шапках сверху завязали, не мерзнут, хотя и несколько часов на улице стоят.

Выписали меня вполне себе здоровым. Хромота никуда не делась, но главное, боли-то давно нет, ни в груди, ни в ноге. Старые ранения вообще забылись. На руке у меня большой, сантиметров на двенадцать шрам, если бы не кривые края раны, может, вообще бы смотрелась обыденно.

В теплушке было довольно тесно. На фронт двигались полные вагоны. Глядя по сторонам, представлял, сколько из этих молодых парней доживет до своего второго боя. Да, именно до второго боя, о победе, как я уже говорил, пока никто даже мечтать не может. А бойцов и правда набрали совсем молоденьких. Сейчас едут те, кто в начале войны был по возрасту неподходящим. Тем, кому было шестнадцать, а иногда и пятнадцать лет, ехали сейчас вместе со мной. Впервые ощутил себя неловко, когда у меня попросили закурить.

– Отец, табачку не найдется? – Я даже завис. Какой в дупу отец?

– Слышь, боец, ты меня моложе лет на семь, какой я нафиг тебе папаша? – усмехнулся я, когда пришел в себя.

– Извини, думал, тебе больше, воевал уже? – Парнишка «зеленый» совсем, светлый ежик коротких волос виднелся из-под шапки. Ах, черт возьми, совсем забыл. Я же в госпитале усы отрастил, небольшие, уж очень мне не хотелось бриться, лень все как-то было. Надо по приезду на фронт скосить их к бениной маме.

– Немного, месяц примерно, до этого на переформировании отдыхал, когда из окружения вышел. А так, с января сорок второго. – Да, мой донор, в чье тело я вселился, воевал именно с января, год уже получается.

– Это немало, мы вон всякого наслушались, пока на сборном были. Раненые попадались, так все пугали, что жить нам осталось два понедельника, – парнишка даже сник.

– Дураки были те раненые, – махнув рукой, говорю я и протягиваю руку: – Сержант, Александр Иванов. – А если честно, то им и до одного понедельника еще дожить надо.

– Андрей, Вяземский, – отвечает парнишка и пожимает мою ладонь.

Протягиваю кисет.

– Держи, там еще есть немного, куда направляетесь?

– Не знаем, погрузили и вперед, а куда…

– Ясно, ну если со мной выгрузят, значит, узнаешь сразу, куда вас.

– А вы знаете, куда вам нужно прибыть? – удивился Андрей. Кстати, когда я озвучил звание, парень подтянулся и стал обращаться на вы.

– Конечно, я в свою часть напросился, у меня там друзья и… должок к фрицам остался, – задумчиво произнес я.

– Хорошо вам, а мы вот в неизвестность едем.

– Иногда это даже хорошо.

– Да лучше бы уж знать, а вам можно говорить, куда направляетесь вы? – парень чуть смутился.

– Да вроде не запрещал никто, в Сталинград еду.

– Вы были в Сталинграде??? – вытаращил на меня глаза будущий боец Красной Армии.

– Да был, был. Не кричи так. – Парень и правда добавил громкости голосу.

– А как там? Как удалось устоять, пока фрицы наступали? – вопросы посыпались со всех сторон. Своим возгласом Андрей привлек и других парней, что были ближе всего.

– Ребятки, ну как-как, тяжело, но выстояли. Или вы думаете, что я вам буду рассказывать, как я танки десятками сжигал?

– Извините, товарищ сержант, просто мы еще не встречались с теми, кто был там! – парни все потупили взоры и виновато отвели глаза.

– Ладно вам. Нечего особо рассказывать-то, бойцы. Дрались, как и везде. Нельзя сказать, что на войне где-то легче, а где-то тяжелей. На войне вообще нелегко, просто бои в городских развалинах обладают своими нюансами. Хотя, как и сказал, везде тяжело.

– Вы ведь с госпиталя, товарищ сержант? – спросил еще один солдатик.

– Верно. Возвращаюсь вот, – кивнул я.

– А ранение тяжелое? – это опять Вяземский.

– Осколочное в грудь, да ногу навылет пулей снайпер прострелил.

– Ничего себе, как же вы выбрались-то? – парням интересно, широко открытыми глазами уставились на меня. Рассказываю, а что еще делать-то в дороге.

– Повезло вам, товарищ сержант, – мрачно заключает один из новобранцев, – у меня старший брат в сорок первом погиб. Раненый в лесу лежал, тащить некому было, выжил один парень, что с ним был, у того раны легче были, наших дождался, а брат от потери крови умер.

– Всяко бывает, боец, война… – многозначительно киваю головой.

Какое-то время ехали молча, я даже вздремнул чуток, укачало. Так-то я в госпитале прекрасно отоспался и отдохнул, теперь легче будет, чем тогда, когда мы из окружения вышли едва живые от голода. Питание в госпитале, конечно, не ресторан, но когда почти все время лежишь не двигаясь, то и есть-то почти не хочется. Колеса мерно стучат под вагонами, глотая метр за метром, эх, вот бы фрицы так же быстро отступали…

На станцию, где мы с попутчиками сошли, ага, они сюда же, мы прибыли ночью. Разгрузились, я так сразу направился искать попутку до Красной Слободы, чтобы попасть на переправу. Найти удалось довольно легко. Сначала водитель, пожилой старшина, отбрил меня одним словом: «Не положено», но узнав, что у меня предписание на руках, сменил гнев на милость. Когда залезал в кузов, а кабина у водилы была занята, чуток струхнул, в кузове плотными штабелями были уложены снарядные ящики. Найдя небольшую щелку, устроился и, закутавшись поплотнее в шинель, ватника мне не дали, втянул голову в плечи. Уснуть, естественно, не получалось, трясет изрядно, но доехал спокойно. Налетов не было, что удивительно, под утро даже наши самолеты увидел, да много-то как, сразу девять штук насчитал. «Илы» пошли на штурмовку в сопровождении истребителей. На Сталинград, наверное, куда тут еще-то. Вывалившись из кузова возле расположения одной из частей, готовившихся к переброске в город, заторопился в поиске кого-нибудь из командиров. Издали приметив одного майора, направился прямиком к нему.

– Здравия желаю, товарищ майор, – произнес я, привлекая внимание, – сержант Иванов, сорок второй гвардейский полк, – я предъявил майору документы, вместе с предписанием.

– Чего хотел, сержант? На тот берег? – возвращая мне документы, поинтересовался майор.

– Если возможно…

– Давай, скоро отправляемся. Будь поблизости.

Майор сдержал обещание, через три часа я уже поднимался по знакомой насыпи возле разрушенного здания Госбанка. Еперный театр, за два месяца города вообще не стало. Как тут сейчас воюют? Раньше дома держали, а сейчас вообще ни одного целого, на первый взгляд. Хотя воевать тут недолго осталось, Паулюс вроде тридцать первого лапки поднимет.

– Боец, не знаешь, где сорок второй полк находится? – я тормознул одного бойца, что пробегал мимо, и поинтересовался, где мне искать своих.

– Так рядом, на площади где-то.

– Спасибо. – Я двинул примерно в том направлении. Даже вздрогнул, когда услышал невдалеке трескотню пулемета, а затем и хлопанье минометов.

«Вот чего мне не хватало в госпитале!» – усмехнулся я. На самом деле, успел уже расслабиться, отдыхая. Двигался я медленно, стараясь не вылезать на открытые участки. Впереди, в руинах одного из домов, что предстояло обойти, кто-то мелькал.

«Надеюсь, наши, а то у меня и оружия-то нет»

…В развалинах действительно были бойцы Красной Армии. Точнее, саперы, причем из нашего полка, одного парня я точно знаю.

– Здорово, славяне! – окликнул я парней.

– О-о-о! Кому бы ни пропасть! Сержант, ты ли это? – удивился боец, которого я узнал.

– Нет, тень отца Гамлета, – с ухмылкой ответил я и продолжил: – Ты все взрывчатку волокаешь?

– А как же, без меня никуда! – важно заявил сапер. – Вот готовимся, комбат приказал домик один сровнять, там фрицев в подвалах много, завалим их, да и конец.

– Экий ты кровожадный, нет бы по-человечески, пристрелить или забить до смерти, а ему бы только взрывать, – не могу удержаться от смеха. «Прыснули» мы одновременно, сапер явно был с чувством юмора.

– Так ты из госпиталя? – спустя пять минут и две выкуренные сигареты допытывался у меня сапер.

– Ага. – Черт, я уже даже соскучился по сигаретам. Правда, эти какие-то кислые, но все равно приятно. Сапер поделился со мной, выделив аж пять штук, две из которых я уже «высадил».

– Комбат через пару домов, у него КП в подвале.

– Все тут же, на Пензенской?

– Тебя когда увезли? – в свою очередь спросил парень.

– В ноябре, – ответил я.

– А, ну тогда уже не найдешь, перенесли давно, – развел руками сапер.

– Ничего, кого-нибудь найду, подскажут.

Первым делом, пройдя нужные два дома, я заглянул за кусок чудом державшейся стены. Никого. Быстренько справив малую нужду, был застигнут врасплох.

– Ты чего тут делаешь? А ну марш в укрытие, разведчики только доложили, что немцы собираются с силами…

– А где комбат Смолин? – перебил я старшину, вылезшего откуда-то как чертик.

– Дом обойди, с восточной стороны есть спуск, там вроде и был.

– Ясно, спасибо! – Побежал трусцой в указанном направлении. Обогнув дом, увидел провал в стене и направился к нему. Из темноты, что была за стеной, на меня уставился ствол ППШ.

– Кто таков? – спросили в лоб.

– Да хрен его знает, комбат тут? – Юмор пришелся ко двору.

– Сержант, что ли? Братцы, снайпер наш вернулся! – воскликнул боец, что стоял на посту. Тут же меня втащили внутрь подвала и принялись обнимать.

Закончили, когда раздался знакомый окрик:

– Что здесь происходит? – Бойцы нехотя расступились, и я предстал пред светлы очи командира батальона.

– Здравия желаю, товарищ майор, сержант Иванов после лечения в госпитале прибыл в ваше распоряжение! – отчеканил я, отдав честь.

– Ну, привет, душегуб! – смеясь, произнес майор Смолин, обхватив меня своими могучими ручищами. Обнял пару раз, затем похлопал по плечам и потянул к себе в закуток.

– Саня, твою мать! – навстречу вылетел мой друг, старлей Нечаев.

– Здоров, Леха, – ответил, улыбаясь, я.

– Свиделись, наконец, а то сначала один причитал о пропавшем в госпиталях командире роты, а теперь второй все уши прожужжал.

– Товарищ комбат… – взмолился Нечаев.

– Да шучу я, шучу, – ласково ответил Смолин, – чай будешь, выздоравливающий?

– Ага, – кивнул я, усаживаясь за маленький, грубо сколоченный столик.

Болтали минут тридцать, когда за ширмой прокашлялись и спросили разрешения войти. А пришел… Петро. Этот гаврик тоже уже здесь, вот так встреча однополчан.

– Товарищ комбат…

– Ну, чего рот открыл? – весело поинтересовался Смолин, – да сержант это, сержант, иди, поздоровайся!

Пете больше предлагать было не нужно. Навалившись на меня, как медведь, парень сграбастал меня в объятия и даже попытался поцеловать. Много времени на разговор выделить не получилось, Петя теперь за батальонную разведку отдувается, только вернулся с НП и сразу на доклад к комбату.

– Ну, опять уйдешь к «своему»? – хмуро, в конце обсуждения диспозиции, спросил Смолин.

– А можно, товарищ майор? – стесняясь, спросил мой напарник.

– Да разве вас разъединишь теперь? Вон вы на пару как немца долбили, аж завидно, смотри как сержанта «отметили»! – Это комбат про награды, хотя у самого висит четыре штуки. У Нечаева тоже медаль и орден, причем одинаковые с моими.

– Товарищ сержант, пока вы лечились, пришел очередной приказ, не успел к основному награждению, вам присвоено звание старшего сержанта, – деловито заявил комбат.

Я быстро оттараторил нужные слова и, глотнув чаю, приступил к обсуждению предстоящих дел.

– Как ты поползешь? Ты ведь не знаешь города вообще, тут с ноября изменений, как в бухгалтерии…

– Так вот и надо посмотреть, тем более Петро уже все излазил, будет заодно и дорогу показывать.

– Товарищ майор, да бесполезно объяснять, все равно смоется, а нам расхлебывать! – влез в нашу беседу Нечаев.

– Да уж не хуже тебя его знаю, тоже достаточно с ним повоевал, – ответил Смолин.

– Хорошо, вам виднее.

Отдыхал я по прибытии около суток. Вот уже час, как разрабатываем план подхода к немецким позициям. Это только звучит так громко, на деле же через два дома от нас уже немецкий тыл. Немцы в колечке сидят, но, блин, упертые, не сдаются и баста. Много отдельных подвалов занимают, без связи со своими, но все одно не хотят сдаваться. Комбату в штабе поставили задачу, зачищать помалу окрестности. Дело в том, что батальон нашего полка пока не пополняли, людей мало, чуть больше сотни, поэтому-то и сидит наш недобатальон далековато от фрицев. Те все больше возле универмага возятся, но это так, приближенные к командованию, простых вояк тоже хватает, они, как и говорил, разбросаны по всему району. Задача вполне обыденная, ребята так давно уже воюют, но вот сейчас все усложнилось наличием у фрицев на нашем участке снайперов. По данным, что принес Петро, выходило, что стрелков тут минимум трое, появились около недели назад и долбят всех подряд. Совсем прохода нашим бойцам и командирам не дают. Боевые действия сейчас неактивные, немцы, видимо, ждут, когда им колечко снаружи кто-нибудь прорвет, а наши выжидают капитуляцию. Повсеместно идет снайперская и минометная борьба. То наши фрицев постреляют, то немчура скрытно корректировщиков разместит и устроит минометный обстрел.

По грязно-белому снегу ползти было вполне сносно. Снегу местами было много, и он хорошо накрывал развалины и обломки, среди которых приходилось лавировать осенью. Все разбитые дома стоят без крыш, следовательно, снегу внутри бывших домов хватало, конечно, там, куда мины не падали. Ползли мы, пробираясь из подъезда в подъезд. Условно, конечно, тут давно уже не

различить практически, где тут подъезд, а где квартира, только по остаткам лестничных маршей можно было предположить, что и где было.

– Сань, туда смотри, – указал мне Петро направление. – Оттуда сегодня стреляли, двоих парней уложили как котят.

– Да, серьезные ребятки там окопались, – поправил я каску и задумчиво произнес.

Дело в том, что раньше, как и говорил, тут были хоть какие-то постройки, и передвигаться было вполне возможно, но теперь… Впереди справа, куда указал напарник, ранее стоял трехэтажный дом, сейчас только куча битого кирпича, высотой метров в пять-шесть. Укрыться там нереально, но как-то фрицы все же укрываются?

– Петь, а ты слева эти развалины не смотрел? – У меня возникла мысль.

– То же самое, что и отсюда, одни куски стен…

– Ага, так, Петро, слева ничего не видать, справа и сзади у них свои стоят, так?

– Именно, – Петя слегка озадачился.

– Дуй к командиру, бери рацию. Пусть миномет один выделят, мы координаты скинем, пусть нам помогут. Только попроси, чтобы ствол посерьёзнее выделили.

– Выкурить решил? – догадался Петя.

– Почти, – улыбнулся я, – я думаю, в подвале они сидят. Мины начнут сыпаться, снайперы попробуют убрать корректировщиков, нас то есть. Место они это бросать не хотят, я их даже понимаю, своеобразный «Дом Павлова», только в исполнении врага. Им оттуда видно все вокруг, вот и цепляются.

Петя ужом скользнул назад, а я принялся осматривать руины Сталинграда, те, что видны с позиции, конечно. Черт, да, много в будущем говорили о разрушениях в городе, но таких… Ведь тут даже слова не подобрать. Если разделить мысленно город на кварталы, а за квартал принять футбольное поле,

чтобы примерно по размерам подходило, то поставьте один маленький деревенский дом на таком поле и тогда поймете примерно, что представлял собой город на Волге в январе сорок третьего. Пустыня, лунный пейзаж. Кругом осколки стен, груды битого кирпича, местами укрытого снегом и… трупы. Никто немцев не собирает. Сами не могут, так как отходят регулярно назад, а нашим не подойти, фрицы не подпускают, вот и лежат кругом окоченевшие арийцы, занесенные снегом, да заваленные мусором.

Черт, полчаса лежу, а никто так и не появился в зоне видимости. Сзади послышались звуки, издаваемые ползущим напарником.

– Сань, вот «ящик», высмотрел кого? – проговорил Петро, укладываясь рядом.

– Да ни фига, даже не почесался никто, не то чтобы двигаться, – усмехнулся я.

– Сейчас антенну растяну, – Петя полез на стену, пользуясь выбоинами в стене. У нас за спиной стояла одна из немногих, чудом сохранившихся стен, на нее напарник и полез. Произошло все ну очень быстро, а главное, вовремя. Отвернувшись от Петра, я вновь приник к прицелу, когда услышал сзади мат и падение тела, а через секунду понял, что тишину нарушил еще один звук. Когда Петро почти залез на стену, то стал видимым с тех развалин, что использовали для укрытия немцы. Оступившись, ставя ногу на очередную выбоину, Петя сорвался вниз, а в этот самый момент вражеский снайпер решил выстрелить. Пете повезло, все-таки сорвался он на долю секунды раньше, чем прозвучал выстрел, пуля ударилась в стену, выбивая из нее пыль и кирпичную крошку. К моему стыду, я растерял нафиг в госпиталях всю свою наблюдательность. Я тупо не заметил, откуда стреляли. Откатившись под прикрытия обломков стен, я задумчиво уставился на отметину, что оставила в стене вражеская пуля. Картина осложнялась тем, что на стене было довольно мало свободного места, все исцарапано и покоцано, но вроде след от пули я все-таки нашел. Мы с напарником находились явно выше, чем противник. В остатках «нашего» дома был почти целый первый этаж, а кучи обломков стен и перекрытий лежали на месте бывшего второго. Отметив про себя примерную траекторию полета пули, я вычислил место, откуда был сделан выстрел с точностью до пяти метров в любую сторону. То есть стрелок находился в радиусе пяти метров от той точки, что я определил.

– Петь, ты чего там притих, в тебя вроде не попали? – спустя минуту после всего случившегося спросил я.

– Ногу вывихнул, болит зараза, аж жутко! – почти простонал в ответ Петро.

– Мне миномет нужен, сможешь координаты передать?

– Наверное, – кивнул Петро и отвлекся от своей ноги. Наладили связь, по нашим координатам прислали одну мину. Недолет был серьезный, подумалось, что минометчики вообще по нам стреляют, а не по врагу.

– Петь, сто вперед и двадцать влево, также одну, – попросил я.

Напарник прокричал в трубку наши подсказки и посмотрел на меня.

Новая мина рванула в центре лежки фрицевских снайперов с неизвестным, конечно, результатом. Однако это, как ни странно, принесло свои плоды. Винтовка, а у меня в руках была все та же моя трофейная, лежала передо мной. В прицел я пытался разглядеть хоть что-то, что выбьется из привычного вида развалин. С винтовкой, кстати, интересно вышло. Когда меня нашли и откопали, подобрали и винтовку. У той был разбит прицел и полностью расщеплен приклад. Ребята из реммастерской, куда ротный, теперь уже комбат, лично ее отнес, переставили на нее другое ложе, благо подошло и даже не болталось, и новый прицел, также из трофеев. Вчера я ее по новой пристрелял, выведя ноль на трехстах метрах, и теперь желал пустить ее в дело.

После разрыва третьей мины противник не выдержал.

– Сань, одного точно вижу, – проговорил уже успевший лечь рядом напарник.

– Сам вижу, – спустив курок, дернул затвор, одновременно уходя перекатом в сторону. Угадал, пуля фрицевского снайпера ударила в камень, возле которого только что лежала моя винтовка.

– Ух ты! – Петя также сдал назад, хоронясь за обломком стены.

– Вот тебе и ух ты! – пробубнил я. – Мы их не видим, а они-то, выходит, наоборот…

Петя дал команду минометчикам по рации, и те приступили к работе. Выпустив порядка двух десятков мин, обстрел закончился. Я к тому времени поменял позицию. Не всегда выше означает лучше. Спустившись вниз, я отполз метров на шесть вправо, оттуда хорошо была видна приблизительная позиция немецких стрелков. Выискивая цель, я все время думал о выстреле противника. Раз он не попал, значит, все же не видел меня, а стрелял по вспышке…

В тех развалинах, где предположительно сидели немцы, царила тишина. Никакого движения, лишь дым расходится да пыль оседает. Тот фриц, в которого я стрелял, должен лежать где-то за насыпью, я стрелял в него сверху, стрелок был в укрытии, поэтому отсюда его не видно.

– Как же вас выкурить-то? – лихорадочно соображал я. – А если…

Ползти обратно к Петрухе мне не хотелось. Достав дымовую гранату, немецкую, наших почему-то совсем мало, прикрутил к ней длинную рукоятку от обычной «колотухи». Прикинув еще раз траекторию, зашвырнул гранату левее укрытия немцев. Немец клюнул, не знаю, сколько их там было, но один показался буквально на две секунды. Перемахнув через бруствер из кирпичей, фашист, держа свою винтовку на сгибах локтей, резво так заспешил в сторону траншеи, что давала возможность скрытно покинуть позиции. Испугался, решил, что мы в атаку пойдем. Противник будет виден еще несколько секунд, мне этого достаточно. Стреляю всего один раз и отмечаю, что фашист замер, готов. Подползший напарник толкнул меня в бок.

– Думаешь, последний? – Петя осматривал виднеющиеся позиции врага.

– А хрен его знает, – просто буркнул я, – я вообще не понимаю, как он там от минометов умудрился укрыться.

Нам очень не хотелось лезть за подтверждением, но это было нужно. Как пересечь открытое пространство? Да как и раньше, недостатка в дымовых гранатах у нас сейчас нет, швырнули с напарником сразу две штуки и спустя десять секунд двинули ползком вперед. Дым отлично закрыл нас от развалин, в которых, как мы думали, сидят фрицы. Преодолев ползком метров десять, решили вставать, а то дым скоро развеется. Рывком, виляя и пригибаясь к земле, мы добежали до бывшей позиции снайперов противника. Преодолеть бруствер уже не успели, дым исчез, отдышавшись, беру у Пети ППШ, он так и таскает

сразу два. Отложив в сторону винтовку, дергаю затвор автомата.

– На раз-два? – спрашивает напарник.

– Да пошли уже, – отвечаю я и привстаю, пытаясь что-нибудь разглядеть в развалинах.

Перемахнули мы удачно, внизу, где и обитали фашистские снайперы, мы обнаружили два трупа, одну искореженную винтовку с остатками прицела, спустя еще минуту нашли дыру, скользнув в которую, Петруха нашел место, где скрывался во время минометного обстрела фриц.

– Там еще одна винтовка, на вид целая, – проговорил тихо Петя, высунув голову, – сейчас достану.

Я ухватил за приклад показавшуюся из дыры винтовку противника и выдернул ее на свет. Петя ошибся, ствол был серьезно деформирован, а вот прицел в полном порядке, что очень меня удивило. Надо снять его, пусть запасным будет.

– Петь, вылезай оттуда, надо сам дом проверить, куда последний полз, да и винтарь у него забрать, он должен быть в порядке.

– Сань, может, наших дождемся, нафиг нам лезть куда-то? – И это была не трусость со стороны напарника, а здравый смысл. Во-первых, мы уже полазали и за себя, и за того парня, а во-вторых, мы ведь не штурмовая группа, нам приказали убрать снайперов противника, расчистить дорогу, мы выполнили. То, что мы сюда заползли, вообще наша инициатива, если честно, было просто интересно, что тут фрицы за нору себе сделали, что даже мины их не берут? Оказалось, все очень даже просто. Та дыра, что нашел Петя, вела в бывший погреб под домом. Дом-то тю-тю, а погреб остался, хоть его и завалило прилично, но места, чтобы укрыться даже двоим, тут хватало.

– Ну, командир, чего задумался? – вырвал меня из раздумий напарник.

– Да думаю, прав ты, братуха, давай ракету, пусть дальше Нечаев идет, мы свое выполнили!

– Это дело! Ведь больше никто не стреляет, значит, снайперы кончились? – говоря все это, Петя достал ракетницу и, снарядив ее зеленой ракетой, выстрелил вверх. По договоренности с комбатом этот сигнал означает, что путь свободен, и мы ждем штурмовиков. Я уже успел сползать за последней оставшейся винтовкой, владельца которой мы спугнули дымом. Подобрав карабин, я вернулся к напарнику и закурил. Вокруг было удивительно тихо, только в стороне, где расположен универмаг, еще постреливают. Откинувшись на стенку ямы, я с удовольствием прикрыл глаза. Бояться сейчас особо нечего, после сигнала зеленой ракетой вот-вот подойдут наши бойцы, что продолжат чистить квартал. Петя смотрит по сторонам, так что можно и отвлечься. Как-то так случилось, что я вдруг охладел к войне. Только попав сюда, рвался как дурак вперед и только вперед. Сейчас, переосмысливая все то, что происходило пару месяцев назад, невольно вздрагиваю. Сам себе признаюсь довольно честно, это не трусость, просто… как будто только сейчас дошло, что это все мне чуждо. То ли ранения сказались, то ли факт того, что я из другого, мирного времени, не знаю. Осенью, когда фрицы жали нас к Волге, думать о таком не приходилось, делал то, что получалось, а теперь… Эх, к черту все, надо брать себя в руки, война еще не скоро кончится, и я, похоже, сдохну уже не в Сталинграде. Господи, пока валялся в госпитале, постоянно перед глазами стояли трупы. Наши, немецкие солдаты, все вперемешку, долбаные англичане с пиндосами, эх, объединиться бы с Германией да на Вашингтон пойти, вот это было бы дело! Попутно бы остров потопить заодно, чтобы два раза не ходить, а потом и янкесов.

– Сань, ты зубы-то побереги, – вдруг донесся до меня голос напарника.

– А? – встрепенулся я.

– Зубами, говорю, не скрипи, вывалятся! – Петя смотрел мне в глаза, видимо, задумавшись, я со злости начал скрипеть зубами.

– Все нормально, просто задумался, – пояснил я свое поведение. – Наших не видно?

– Взвод Никулина левее прошел, остальные на подходе.

О как, а я и не заметил. Хотя, что это я, лежал же с закрытыми глазами, естественно, что никого не видел. Вытащил из сидора чистую портянку и

расстелил ее на кирпичах, надо винтовку почистить, а то уже ржа вон начинает проявляться. Не было-то меня давно, ствол я почистил перед «охотой», а вот теперь и до всего остального руки дошли. Закончив с винтовкой, занялся патронами. Чуток спилил носики да протер сами гильзы, что-то я в нее смазки в последний раз многовато загнал. Протер и линзы прицела, кстати, а тот прицел, что стоял на винтовке убитого мной только что немецкого снайпера, поновее будет. Достав прицел, осмотрел его и, проверив крепления, не раздумывая дальше, открутил свой и установил трофей. А и правда, заметно чище видимость через него, да и увеличение немного больше. Проверив еще раз надежно ли крепление, высунулся из ямы и приник к прицелу, осматривая видимые впереди позиции врага. Приметив что-то яркое в окне одних из бывших когда-то домами руин, рассмотрел, наконец, что это висит фашистский флаг. Каракатица, черным иероглифом на белом фоне, отчетливо просилась в прицел.

– До флага метров двести, может, чуть-чуть больше, брать будем? – напарник глядел на меня.

– Ну-ка, дружище, погляди в бинокль, попаду или нет? – попросил я напарника понаблюдать, а сам приник к прицелу. Мой старый прицел был выставлен на триста метров, дальше тут смысла не было пристреливать, если требуется выстрелить на другую дистанцию, просто целюсь на глаз, уж я-то знаю, как стреляет моя винтовка. Выстрел, хлопнув звонко и как-то одиноко, прозвучал как удар топором по старой высохшей доске.

– Почти по центру, попадание сто процентов, – отметил Петруха, – сколько тут, Сань?

– Да метров двести пятьдесят, детское расстояние. Зато теперь у меня новый прицел, отличный, надо сказать.

– А что в нем такого? На вид так вроде все такой же, – с недоумением заметил Петро.

– Он светлее, лучше видно, – пояснил я, – а еще у него есть колпачки для линз.

Пока мы с напарником отдыхали, мимо нас пробежали бойцы штурмового взвода из нашей роты. Сейчас будут фрицев выкуривать из подвалов. О, пока думал, там вовсю действие началось. Захлебываясь, словно в истерике, длинными

очередями поливал МГ, ему отвечали быстрые, стрекочущие «папаши». Грохнули, разбрасывая в стороны осколки, две гранаты, но фрицам это явно не поможет, вон, уже стрельба реже становится.

– Сань, ты чего, они же сдаются? – ошарашенно пялился на меня напарник.

Было от чего. Несколько наших бойцов стояли перед развалинами, в которых еще несколько минут назад сидели немцы, активно обороняясь. Так вот, немцы вылезали из всех щелей, бросая оружие на землю, уже и кучка начала вырисовываться, когда я, положив на бруствер из битого кирпича винтовку, решил похулиганить. Что на меня нашло, ума не приложу, я поймал на мушку одного из здоровенных фашистов, только что бросившего к ногам наших бойцов пулемет, и дернул затвор.

– Петь, да надоели уже эти суки, помнишь, что мы им обещали, когда бились тут перед попаданием в госпиталь?

– Уничтожать как сорняки? – Петя, казалось, принял мое решение.

– Ага, как в приказе говорилось? Видишь врага – убей! – я потянул спуск.

Тугой, килограмма на два с половиной, а то и все три, спусковой крючок поддавался словно нехотя. Звонко хлопнув, винтовка чуть подпрыгнула и, выпустив из своего чрева смертоносный кусочек свинца, вернулась в прежнее положение. Откуда мне было знать, что убитый мной фриц, а он без сомнения был убит, был целым полковником, командующим тут остатками своего полка. Стрелял я хоть и с новым, еще толком незнакомым прицелом, но расстояние помогло и тут. У немца улетело полголовы, и он тюком осел на грязную землю. Последствия оказались вполне серьезные. На меня орали в штабе почти час, серьезный здесь теперь особист, хрен отбрехаешься.

– Тебя что, к врачам отправить, нервишки подлечить, в психушку? – старший майор госбезопасности Мальцев, казалось, просто наслаждался своей речью. И про военнопленных помянул, и про то, что на линии огня были наши бойцы, в общем, везде и всюду я был не прав. Молча кивая, соглашаясь со всем сказанным, я дожидался окончания «порки», когда вдруг услышал такое, что не мог смолчать.

– Ты убил ценного «языка», командира пехотного полка! Знаешь, какие у него могли быть важные сведения? – Тьфу ты, блин, да какие у этого гребаного полковника могли быть важные сведения, немцы в кольце сидят, им уже жрать нечего, что мог сообщить этот «язык»? Да я сам больше знаю о том, что происходит сейчас в рядах непобедимой армии Гитлера, так и сказал особисту.

– В смысле, ТЫ сам больше знаешь? – удивился Мальцев, прервав свои обвинения.

– Да в самом прямом, товарищ старший майор госбезопасности, – чуть подтянувшись, я смотрел прямо в глаза собеседника.

– Что ты знаешь о положении немцев и их оснащении?

– А что тут знать? – искренне удивился я. – Народу у них пока хватает, но вот в кольце окружения особо не погуляешь. Сидят малыми группами по развалинам и ждут, когда их командиры приказ отдадут.

– Какой приказ? – машинально спросил особист.

– О капитуляции, конечно, какой еще. В их положении другой возможности сохранить жизни солдат нет, это и немчуре понятно.

– А с чего ты взял, что мы им капитулировать предложим? – с хитринкой в глазах вновь спрашивает старший майор.

– Ну, – протянул я, – просто думаю, что и у нас людей лишних нет, зачем еще закапывать в землю бойцов, если можно заставить капитулировать окруженного противника? До Берлина нам еще далеко, опытные и обстрелянные бойцы нам самим пригодятся, вон сколько земли под немцами сейчас.

– Какое-то у тебя, сержант, пораженческое настроение, надо бить врага, приказ 227 помнишь?

– Конечно, но разве Верховный главнокомандующий приказывает всем быстренько умереть? И, кстати, был и еще один приказ, уничтожать врага, где бы он ни находился, – на провокации я и сам отвечу провокационным вопросом.

– Больно ты умный, сержант… Ладно, топай к своим, но наша беседа не закончена! – фыркнул особист.

Чего он привязался? Ну, грохнул пленного, мало ли таких случаев на фронтах, люди злые, надоела всем уже эта война, а ведь еще два с лишним года биться. Вернувшись в расположение, узнаю обалденную новость, которая только утвердила меня в моей правоте. Дело в том, что немцы из соседних развалин-укреплений видели, как погиб их командир полка, и… да полезли потихоньку сдаваться. Ну и ладушки, нам меньше по этим подвалам лазать.

Сегодня, тридцатого января, со стороны универмага немцы неожиданно ударили, собрав в кулак остатки своих танков. Семь машин, не знаю, на воздухе они, что ли, работают, при поддержке пехоты и артиллерии, внезапно ломанулись в сторону железной дороги. Наш батальон стоял восточнее универмага, и удар был в противоположную сторону, но командование приказало атаковать, чтобы сорвать наступление немцев, ударом с тыла. Заслон тут был почти в одну нитку, и прорвали мы его довольно быстро, буквально с ходу. Я и еще две пары стрелков-снайперов поддерживали атаку с дистанции. С Петрухой, во мне вдруг опять проснулся азарт, мы залезли в такое место, что перед нами, в трех сотнях метров, возвышался полуразрушенный универмаг. Нет, я не собирался валить Паулюса, но кого-нибудь из его штаба уж постараюсь, а заодно и охрану свежеиспеченного фельдмаршала, а то у него в ней такие зубры состоят, что только держись.

Наши двинули на цитадель фельдмаршала целых шесть танков. Латаные-перелатаные «тридцатьчетверки», пыхтя изношенными моторами, медленно двигались по двум разбитым улицам, подбираясь к цели. За танками, тщательно сторожась и укрываясь, шли бойцы двух батальонов нашего полка. Для меня подступы просматривались очень хорошо, я даже видел вывешенный немцами флаг на универмаге. Не знаю, был ли подобный штурм в Той истории, но вот тут он присутствовал. По идее, завтра Паулюс должен сдаться и так, но фиг его знает, я вообще замечаю небольшие отклонения от того, что, казалось, знал. Тут могло сыграть и мое присутствие, и просто то, что Там история была несколько искажена. Например, Кукурузник-то уже того, на том свете, кто там вместо него, не так важно, зато подковёрной возни в послевоенные годы, думаю, не будет. А если и появится новый Хрущ, то и пойти может все совсем по-другому, может даже и хуже будет, кто его знает, выверты судьбы непредсказуемы. Заметив, как идущие за танками бойцы начали падать один за другим, дал Пете команду искать наших «коллег». Наверняка из штаба Паулюса снайперы работают, о, вон

один.

– Петь, смотри внимательно, четвертое окно второго этажа. Я его снимаю, а ты смотри, вдруг еще кто рядом, как бы и нас не «срисовали». Направление-то вычислить можно без труда.

Первым же выстрелом уложил снайпера противника, тот стоял во весь рост за окном, снизу-то его практически не достать, а для меня как на ладони, я ведь тоже на втором этаже лежу.

– Сань, меняй позицию, видел двоих с биноклями, найти пытаются…

Повторять мне нужно, привык к Петрухе, раз говорит, надо прятаться. Лежал я у разбитого артиллерийским снарядом оконного проема, поэтому, просто переворачиваясь, ухожу правее. Оглядевшись, замечаю в паре метров от себя дыру в стене, размером с футбольный мяч, устремляюсь туда. Ползком на брюхе, винтовка на сгибах рук, преодолеваю нужные метры и смотрю в дыру. Вообще отлично, обзор почти прежний, а меня не видать.

– И чего мы сразу здесь не легли? – бормочу я.

Петя нашел для себя новое местечко и уже выдал мне направление на две цели. Как я и сам хотел, целями были два наблюдателя противника с биноклями, пристально рассматривающих окрестности площади.

Тем временем танки подошли почти вплотную и начали обстрел. Пехота пока лежит, стреляя на подавление, ждут приказа на штурм. Я убрал обоих наблюдателей, хоть второго и пришлось «ловить», верткий гад оказался, а может, просто видел, что его товарищ, находившийся через три окна, умер. Подловил я его хорошо, даже понравилось. В здании универмага на одной стене не хватало куска между оконными проемами. Я по движению немчика понял, куда он двинул, и подловил его именно там. От танков в сторону универмага полетели гранаты, спустя несколько секунд начал появляться дым. Молодцы наши, не хрен лезть с шашкой наголо, с дымом точно пройдут с минимальными потерями.

Но происходящее вдруг заставило меня ускориться, стрелять пришлось так быстро, как только мог. Немцы словно обезумели. Когда наши пехотинцы

дружно приблизились к зданию, из него вдруг посыпались фашисты. Точнее, сначала из всех щелей полетели гранаты и такие же, как и у нас, коктейли Молотова, а вот затем… Черт, если бы это было наоборот, я бы не обратил особого внимания, сам участвовал в таких штурмах, но чтобы немцы выбегали из укрытия со штыками в руках… Бойцы нашего батальона даже в ступор впали ненадолго, но опомнившись, когда начали падать те, что шли первыми, схватились кто за что мог. Блеснули клинки ножей и штыков, заточенные лопатки, удары наносились куда попало всем, что попало под рукой. Вижу, как один из бойцов, оставшись случайно без штыка, сорвал с себя каску и долбит фрица по голове. Помогаю, как могу, но там просто толпа, я даже пару раз ловил себя на мысли, что мог и в своего же попасть. Стараюсь отстреливать немцев, когда они только выбегают из универмага, само собой, получается хреново. Мало того что у меня не пулемет и тут метров триста, так еще и немцы двигаются, не идут, а бегут и прыгают сверху вниз.

– Сань, в окнах пулеметы! – отвлек меня Петро.

Черт, гансы, видимо, плюнули на то, что могут и своих покрошить, и пошли ва-банк. Переношу огонь на оконные проемы, даже позицию не меняю, стреляю и раз за разом замечаю попадания. Пулеметчики не успели нанести большого вреда, я ведь не один снайпер, что работает на поддержке. Быстренько расстреляв желающих пострелять из скорострельного оружия, вновь начал уничтожать дерущихся. Немцев, разумеется. В какой-то момент, остановив взгляд на одной паре катающихся по земле противников, осознаю, что знаю того, на ком сейчас сидит огромный фриц и пытается задушить. Прицелиться не могу долго, секунд десять ждал, пока исчезли помехи, но кажется, успел. Нечаев, а это был мой ротный командир, что и вел эту атаку, оттолкнув завалившегося на него немца в сторону, повернулся на бок и чуть приподнял руку с оттопыренным большим пальцем. Неужели он понял или заметил, откуда к немцу пришла смерть? Попал я удачно, снеся своей тупоголовой пулей полголовы вражескому солдату. Кажется, я даже вижу, что Леха Нечаев весь залит кровью и содержимым черепа фашиста.

– Вот это выстрел! – восхищенно воскликнул напарник. – Сань, мне даже страшно представить, что у фрицев могут быть такие же стрелки!

– Петь, а они у немцев есть, даже гораздо лучше, чем я. Мне просто везет. – Я и правда так считал. Даже этот выстрел, что так понравился напарнику, я произвел больше на авось. Нет, в немца-то я бы попал спокойно, сложность была

в том, чтобы не зацепить кого-то из наших. Я ведь говорю, люди в этой свалке мелькают туда-сюда, попробуй угадай, кто из них и где окажется в момент пролета пули. Там как раз пробегали трое пехотинцев, и я стрелял, только надеясь, что они не остановятся, так как нажал на спуск до того, как они пробегут через линию огня. Фактически цель была закрыта третьим бойцом, едва он успел сделать шаг, как за его спиной пролетела моя пуля. Если честно, то я даже был готов, что попаду в своего, просто очень хотел помочь ротному.

Бойня между тем подходила к концу. То в одном, то в другом проеме замелькали белые тряпки. Наши тоже прекратили стрельбу. Несколько дерущихся еще оставались, но к ним уже спешили помощники, в надежде спасти людей от бессмысленных смертей. У меня все в голове не укладывалось, неужели Паулюс отдал такой приказ, что немцы полезли врукопашную? Про него вроде историки не раз писали, что он был не слишком решительным. Да и умный он человек, ведь прекрасно осознает, что только оттягивает время своей капитуляции и приносит новые и новые жертвы обеим сторонам.

Примерно через час со стороны наших позиций появился человек, уполномоченный принять капитуляцию. Даже не удивился, узнав в идущем впереди двух бойцов майора Смолина. Комбат, видимо, как старший по званию среди всех присутствующих, вызвался сам. Немцы еще полчаса назад начали выкидывать оружие из окон, хотя, конечно, это ни о чем не говорит, а вот то, что навстречу Смолину шел явно кто-то из штаба шестой армии Паулюса, факт. Обменявшись едва заметными приветствиями, причем фашист не вскидывал руку, а приложил к фуражке, копируя нашего комбата, парламентеры двинулись ко входу в универмаг.

– Петь, отслеживай любое шевеление! – крикнул я, сам лихорадочно осматривая все щели, из которых по комбату могут стрелять. Слава богу, ничего такого, видимо, не задумывалось, так как Смолин и вышедший к нему фашист, скрылись в здании, а сопровождающие комбата бойцы встали у входа. Спустя буквально десять минут из универмага появились первые солдаты противника, которые начали швырять остатки оружия и амуниции перед входом. Вышло много, даже не знаю, где они там все размещались. Сколько фрицев дралось тут, на улице, сколько погибло внутри, но вышло явно больше пятидесяти человек, скорее даже все сто. Последними появились Смолин и Паулюс, чуть раньше выходили еще кто-то из генералов и прочих оберстов и майоров. Наши бойцы, атаковавшие буквально час назад штаб армии врага, выстроились в линеечку и, не поднимая оружие, зло смотрели на фашистов. Нет, я, конечно, не вижу их лиц, просто

предполагаю, с каким бы лицом стоял я сам. Картина была… да что тут слова подбирать, исторический момент, он и в Африке исторический, и все это происходит у меня на глазах. Только ради вот этой картины уже стоило пережить всю эту бойню. Увидеть такой финал! Сразу появляется и гордость за себя и своих товарищей. Шутка ли, заставить капитулировать штаб одной из самых сильных частей противника. Да, это сейчас они разбиты и сидят тут в голоде и холоде, но буквально пару месяцев назад эти сдавшиеся сейчас солдаты вермахта перли так, что казалось, еще чуть-чуть и нам точно хана. Хоть я и знал, как будет, но в моменты боя не думаешь о таком совершенно, враг не будет ждать, когда ты дебет с кредитом сведешь. После боев, в редкие минуты отдыха, да, постоянно думается, но не в бою.

– Сань, ну чего, снимаемся? – прервал мои размышления напарник.

– Да, Петро, да. Мы наконец заканчиваем эту бойню. Помяни мое слово, ее еще назовут одной из величайших битв за всю войну, вот увидишь!

– С какого перепуга? – удивился Петя довольно искренне. – Мы ведь не Берлин взяли, а свое, причем полностью разрушенное и уничтоженное вернули.

– Потому, Петь, потому! – сказал я просто, но все-таки решил пояснить: – Мы раньше что делали, начиная с сорок первого? Бойню под Москвой в расчет не бери.

– Не понимаю, как это что делали? Воевали!

– Мы пятились, дружище, где-то даже бегом бежали, но тут… Тут мы, наконец, не только остановились, а расхреначили немца в хвост и в гриву. И теперь, Петя, мы уже точно не двинемся назад, помяни мои слова, – повторяюсь уже, – именно отсюда, от матушки Волги, мы и двинем на запад, в их долбаную Европу. Не завтра, конечно, и даже не через год, но мы придем в Берлин и раскатаем его так же, как эти суки прошлись по нашим городам. – Меня, видимо, понесло, а напарник, сидя не только с распахнутыми глазами, но и открытым ртом, только молча внимал. Собравшись и осмотревшись на всякий случай, мы двинули на выход. У подъезда нас перехватил посыльный, как оказалось, от Нечаева.

– Товарищ сержант, фух, блин, наконец-то нашел, – боец даже запыхался.

– Отдышись, – предлагаю я.

– Да пока вас искал, упарился, – боец снял шапку и вытер ею пот со лба.

– Бывает, – задумчиво ответил я. – Кто его за мной послал?

– Товарищ майор приказал вернуть всех снайперов на исходную, к его прежнему штабу.

– Хорошо, сейчас и идем, – кивнул я.

– Вы видели, ребята аж целого фельдмаршала фашистского захватили! – парень аж захлебывался от распиравшей его гордости.

– Да все мы видели, больше ничего не передавали?

– Нет, только комбат просил поторопиться.

– Хорошо, свободен.

Мы побрели с Петром к тому дому, точнее даже подвалу, где был КП батальона. Где-то местами еще, конечно, постреливают, и даже вполне серьезно, все-таки приказ еще не до всех частей шестой армии дошел, но здесь, в центре города практически тишина. Приятно, черт возьми, идти вот так спокойно по только вчера еще бывшим немецким позициям на улицах Сталинграда. Наша пехота вовсю собирает пленных солдат во всевозможных обмотках, женских шалях и соломенных подобиях валенок, обмороженных и голодных. Немцы, по крайней мере эти немцы, уже все для себя давно решили, им опостылела эта война. Солдаты продолжали воевать только потому, что порядок у них впитан с молоком матери. Не могут они не подчиниться, честно выполняют свой долг, хотя сами и не понимают, на фига им все это нужно… Да, упертых среди них хватает, есть и просто хапуги, что пришли на нашу землю, надеясь поправить свое благосостояние, но в большинстве своем здесь обычные люди, работяги.

– Сань, а чего они такие убогие все? – нарушил молчание в очередной раз напарник.

– Потому, Петь, что командование у них дурное. Простой недальновидностью это не оправдать. Ладно в сорок первом они действительно не рассчитывали на нашу зиму, учитывая, сколько смогли оттяпать у нас с июня месяца. Но повторять те же ошибки через год это верх глупости.

– Так говорят, что у них вообще нет теплой одежды и обуви, а техника не рассчитана на наши морозы…

– Петь, это немцы, они что хочешь, могут придумать и наладить производство, это во-первых. А во-вторых, имея такую сильную и подготовленную армию, им достаточно было просто встать в оборону по осени. Кто мешал тому же Паулюсу это сделать?

– Гитлер, политрук говорил, что тот гонит войска вперед, не разрешая останавливаться.

– Хорошо, но Гитлер в Берлине, там нет войны, а генералы здесь, могли бы и сами о себе позаботиться, а, хрен с ними со всеми, Петя, нам же легче! – заключил я.

Естественно, я был неправ. Что такое приказ, знаем и мы. Ведь только благодаря выдержке и исполнению приказов мы не ушли с Волги, и теперь, уже совсем скоро, погоним фрицев назад. Но все же, думаю, наши командиры все-таки немного изворотливее немецких. Те ведь и правда тупо следуют приказу, не особо размышляя о том, правильный он или нет. Да, в сорок первом многие наши командиры действовали глупо и неосмотрительно, ну, и где сейчас те командиры? Вот нас возьми. Майор Смолин зачитывает мне приказ командира полка, спрашивает о моих мыслях. Докладываю, тот, грамотно все взвесив, выполняет приказ так, как это будет правильнее. Приказано зачистить дом, идем и зачищаем, а если дом так укреплен, что нашими силами его взять просто нереально, проводим разведку боем и докладываем, что выполнение приказа требует больших сил. В основном помогает. Нам либо отменяют приказ, либо пополняют людьми и всем необходимым, а как иначе? Если бы все взводные, ротные, да даже батальонные командиры тупо выполняли бы приказы, не думая о последствиях, мы бы уже не в Сталинграде были, а минимум в районе Перми.

Вспоминаю свой первый день, пятнадцатое сентября. Мне повезло оказаться именно во втором батальоне своего полка, попал бы в первый, уже четыре с

лишним месяца как был бы на том свете. Я не говорю, что приказ о захвате вокзала был неправильным, но брать такой объект силами одного батальона…

– Здравия желаем, товарищ майор, вызывали? – отрапортовали мы с напарником, ввалившись на КП батальона.

– Заходите, заходите, – кэп был в хорошем настроении, – ну, как вам?

– Хорошо, а вы про что? – сделав непроницаемое лицо, спрашиваю я.

– Тьфу ты, вечно ты все изгадить горазд! – выругался майор.

– И в мыслях не было. Так о чем вы, товарищ майор? – я уже еле сдерживаю смех.

– Я сейчас кому-то пошучу, пожалуй, – комбат «въехал» в мою шуточку, – как вам пленный немецкий фельдмаршал?

– А, вон вы о чем, – безразлично ответил я, – так бы и сказали.

– Ну все, Иванов, пошутили и хватит, тут дельце предстоит, для этого и позвал.

– А мы-то грешным делом подумали, что нам дадут теперь немного отдохнуть…

– Ты в госпитале не отдохнул разве? Вот и помалкивай! Дело такое, – комбат указал на карту, лежащую перед ним.

Подойдя и наклонившись над столом, пытаюсь определиться, что за местность.

– А что это? – не понимая, я взглянул на комбата.

– Район Котельниково, недалеко тут.

– А мы тут при чем? – еще больше недоумевая, спрашиваю я.

– Прекращай, по-хорошему говорю, – Смолин посмотрел вначале на Петю, а потом уставился на меня. – После пополнения наш полк пойдет туда, на нас

захват городка и его зачистка.

– О как! – охренев от услышанного, удивился я.

– Нет, а ты что думал, что будешь здесь, в Сталинграде, до победы сидеть? Дальше пойдем, думаю, скорее всего, на Ростов.

– Ничего себе, – удивился я, – там же наших войск куча, разве не они пойдут вперед, свежими силами, так сказать?

– Все пойдут, закончат с котлом и пойдут.

Дальше мы еще немного посудачили, мне еще разок «влетело» от комбата за мой поганый язык, и на этом нас отпустили отдыхать. А уже к обеду следующего дня нас, весь наш батальон в уже пополненном виде, бросили пешим маршем на юго-восток. Впереди заснеженные степи, спрятаться и укрыться просто негде, а еще там Манштейн, и силушки у него вполне себе достаточно.

– Что это вы тут задумали? – На нас с Петрухой смотрел сверху следак из особого отдела полка.

– Окапываемся, товарищ капитан, – просто ответил я.

– Вы что, оглохли? Приказ был идти вперед! – капитан-особист от моей наглости вышел из себя.

– Так некому скоро идти-то будет, товарищ капитан, – Петя, черт немазаный, нахватался от меня и начал борзеть наравне со мной.

– Что-о?! А ну-ка вылезай быстро. – А вот это уже серьезно, капитан схватился за кобуру. Мы о нем наслышаны уже, то еще говно. Наш батальон, понеся огромные потери, залег на подступах к городку Котельниково. У фрицев там серьезные укрепления, с наскока взять не удалось. Да и не было никакого наскока, если честно. Расстреляли нас из пулеметов и минометов, как куропаток. Степь, как я уже и говорил, спрятаться вообще некуда, а тут еще и особист подвалил, запрещает окапываться. А у нас от батальона, два дня назад пополненного,

осталось едва сотня человек. Мне опять пришлось принимать под начало взвод. Комбат был вчера легко ранен, в санбат не пошел, но сейчас отлеживается где-то у нас за спиной. Вот особист и вылез, он тут сейчас старший, может права качать, как хочет.

– Товарищ капитан, вы же видите, две трети батальона полегло, зачем так разбазаривать бойцов, их на рынке не продают?

– Ты!!! Мне говорили о тебе, что ты слишком наглый, командиров не признаешь, панибратство у вас в батальоне процветает, но я это пресеку, – следак от напряжения, того и гляди, лопнет.

– А пресекалки хватит? – Ой, блин, это что, я сказал? Особист был уже зеленого цвета, на фоне белого полушубка его лицо выделялось очень хорошо.

– Оба, вылезли сюда! – рявкнул он, а голосок-то не поставлен, молодой еще. – Сдать оружие, отправляетесь под арест, трибунал вас уже заждался.

– Зря вы так, товарищ капитан, в атаку-то сами пойдете? – раз уж все равно трибунал, то я теперь на нем отыграюсь, накипело.

Особист, указывая нам стволом ТТ, ждал, когда мы сложим оружие. Я не торопился, Петя, глядя на меня, тоже. Вряд ли он отважится шмальнуть, вон, уже народ вокруг заинтересованно смотрит, но никто не лезет.

– Я приказал сдать оружие, бросай винтовку немедленно. – Пистолет капитана едва не упирается мне в живот.

– Эту винтовку никто и никогда не бросит, – раздался голос позади особиста. Ба, да это же Нечаев. – Эта винтовка столько жизней наших бойцов и командиров спасла, не сосчитать, а уж врагов столько на тот свет отправила, вообще в уме не укладывается.

– Ты, командир роты, зачем сюда явился, сопроводить своих бойцов под арест? – ехидно спрашивает особист, пропустив мимо ушей резкое замечание Нечаева.

– Не вижу причины, по которой лучших бойцов полка нужно арестовывать, – веско заметил Леха.

– Ты что, охренел? Я приказываю…

– Да приказывайте что угодно, товарищ капитан, я, как командир этих бойцов, требую объяснений. На каком основании вы хотите их задержать? – непреклонно стоял на своем Нечаев.

– За невыполнение приказа командира полка! Они отказываются идти в бой, трусы и паникеры! Из-за таких, как они, враг и дошел до Волги! – Ну, это ты зря, товарищ особист.

– Что? Это наш сержант трус? Слышь, капитан, ты в уме? Он один на отделение фрицев выходил. Против двух взводов с танками стоял в одиночку и не отступил, это ты его в трусости обвиняешь? – Нечаев даже ухмыльнулся. – Да я удивлен, как он тебе еще в рожу не дал за такие слова. А самое главное, свой приказ комполка Елин отменил десять минут назад, полку приказано занять оборону и окапываться! – Капитан не знал, что делать. Вроде он и неправ, но и уйти, получив такую пощечину, он не мог.

– Да только за то, как он себя ведет, не выполняет приказы, хамит и дерзит, ему уже трибунал обеспечен.

– Только через мой труп, капитан, ясно? – Нечаев встал вплотную к особисту, взглянув тому прямо в глаза. Капитан почти мгновенно дернулся и убежал. Ржали все, наверное, полчаса, разве что не свистели.

– Лех, про приказ правда? – спросил я у командира роты.

– Ага, только из штаба иду. Как тебя угораздило с ним сцепиться, он уже стольких съел, не подавился, что и тебя проглотит.

– Не-а. Я не вкусный, поперек горла встану, да еще и растопырюсь во все стороны, нехай глотает. – Заржали все.

– Эх, сколько же тебе объяснять, дурья твоя голова. Хотя голова вообще-то умная, но у дурака на плечах сидит, – Алексей наклонился ко мне и сказал на ухо: – Это ставленник бывшего члена Военного совета фронта, Никиты Сергеевича.

– Ясно, такой же идиот! – взял да и сказал я.

– Ты давай завязывай, сдадут тебя и точно к стенке прислонят. А о покойнике либо хорошо, либо никак, ясно?

– Так точно, ясно! – рявкнул я. – Да все наладится, Леха, вот увидишь!

Темнело. На часах всего четыре часа дня, а уже темно, зима, черт бы ее побрал. Я, отлучившись ненадолго с позиций роты, добрался до штаба полка. Ага, ликвидировать решил проблему, пока не разрослась. Особиста не видно что-то, уже полчаса тут лежу, наблюдаю, но еще ни разу тот не вылезал из хаты. Штаб полка расположился в деревеньке, чудом не уничтоженной фрицами. Несколько полуразрушенных домишек, какое-никакое, но убежище, хотя бы от непогоды. Винтовку я брать не стал, взял только два ножа в руки, больше ничего не пригодится. Наконец, из одного домика выползли на улицу несколько командиров, комполка Елина узнал сразу, а еще и этого говнюка. Особист о чем-то жарко спорил с командиром.

– Надо валить его, а то эта сука меня тут совсем загнобит, – сказал я шепотом сам себе.

– Сань, ну его на хрен, может, обойдется! – вдруг услышал я сзади. Резко обернувшись, разглядел в полутьме Петю. Твою мать, я так задумался, что даже не слышал, как он подошел.

– Ты чего тут? – буркнул я.

– Сань, пойдем со мной, не надо…

– Петь, это мое дело, ты тут не при делах, не пачкайся.

– Он же свой, как так можно? – недоумевал напарник.

– Петь, да такие «свои» вреднее чужих. Если бы мы безропотно выполнили его приказ, что случилось бы потом? Он положит всех, сколько сможет найти, вот и встает вопрос, а может, он по заданию своих хозяев это делает? Налицо вредительство и подрыв боеспособности бойцов Красной Армии, разве не так?

– Вот что-что, а загнуть так, чтобы все обалдели, ты всегда мог! Я прикрою, рядом посижу, если что, свистну два раза, ты знаешь как.

– Лады! – кивнул я. В Пете я был уверен, сомневаться будет, но никогда не сдаст, никогда.

Особист тем временем закончил свой разговор с комполка и двинул куда-то к соседним домам. Осторожно выбравшись из развалин, черт, камень под ногой двинулся и слегка стукнул о другой, я последовал за особистом. Надо проследить, в каком домике он квартирует. Капитан шел быстро, боится, гад, что немчура может здесь ползать, вот и идет чуть ли не бегом. Завернув за угол, особист ненадолго исчез из моего поля зрения. Добравшись до угла, я осторожно выглянул из-за него и тут же убрался обратно, так как увидел капитана с направленным в мою сторону пистолетом. Грохнул выстрел, черт, что теперь делать? Ведь он точно меня узнал, расстояние всего пару метров было, теперь капитан заявит, что я его преследовал.

– Товарищ капитан, вы чего по своим пуляете? – включил я дурака.

– А ты не «свой»! – грубо отозвался особист. – «Свои» не следят за своими командирами. Выходи давай, дело я на тебя все равно завел, а теперь еще добавлю попытку убийства представителя особого отдела.

– Товарищ капитан, ну вы же сами понимаете, что это чушь…

– Выходи, сказал, оружие брось за углом, а сам лапки кверху и сюда.

Черт, уже слышатся шаги, где-то совсем рядом, но вдруг обрываются, раздается тихий шорох.

– Работай, я тут слегка «притормозил» одного, пущай полежит, – Петя говорил тихо, особист за углом точно не услышит.

Вот и напарник замарался, можно сказать, жизнь он себе точно осложнил.

– Я выхожу, не стреляйте. – Один из штыков у меня находится между лопаток, рукоять чуть выше, чтобы легче было доставать.

– Что там у тебя, кидай перед собой. – Выкинул нож и «феньку», которую всегда с собой таскаю, так, чтобы из-за угла было видно.

– Пистолет и винтовку! – требовал особист.

– Да нет больше ничего, я к штабу пошел, поэтому и не брал огнестрельного, – собравшись с мыслями, я шагнул из-за угла. Вообще-то уже поздно что-либо предпринимать, меня же и возьмут за задницу. Попробовать заболтать его?

– Что тут происходит? – зычный, громкий командный голос раздался позади особиста. Тот дернулся, но, сука, взял и выстрелил, с перепугу наверное. Я, едва заметив, как капитан поднимает руку, упал на колени, это и спасло, пуля сбила с меня шапку, гад, точно в грудь бы попал.

– Отставить стрельбу, капитан Мосийчук, уберите оружие немедленно! – человек, приказывавший особисту, был не кто иной, как начальник особого отдела дивизии, хороший мужик и меня он знает не понаслышке.

– Товарищ генерал, я вам докладывал об одном сержанте, вот он, хотел меня убить за то, что я на него дело завел, решил, наверное, что без меня дело замнут.

– Ты в своем уме, Мосийчук? – генерал подошел вплотную к нам, я успел уже подняться с земли и разглядывал простреленную шапку. – Я тебе еще при твоем докладе все сказал, что думаю по поводу этого бойца, а ты все свое гнешь. Мне бы тысячу таких, как он, мы бы уже немца из Ростова выгнали, – произнес генерал Иволгин и протянул мне руку. Сомневаясь в решении генерала пожать мне руку, я робко и нерешительно протянул свою и пожал крепкую ладонь Иволгина.

– Товарищ генерал, он следил за мной, хотел убить…

– Все, ты мне надоел, – зло бросил в сторону капитана Иволгин, – ты знаешь, кем этот парень был в Сталинграде? Если бы он хотел, он бы тебя с полукилометра шлепнул бы, одним выстрелом, и концов бы не нашли, – отчеканил генерал. – Завтра жду к себе, для объяснений, прямо с утра.

– Есть, – тихо ответил особист и ушел.

– Ну, Иванов, да? – обратился ко мне генерал.

– Так точно, товарищ генерал, – спокойно ответил я.

– Чего вы с ним не поделили-то? Весь день сегодня о тебе слышу, жалуется он, дело завел, что произошло?

Я рассказал, как было дело, а позже, решив, что хрен я дам особисту безнаказанно поливать меня грязью, добавил от души:

– Товарищ генерал, да, я шел за ним, так как хотел проследить. Мне стало интересно, зачем этот человек хотел гибели всего нашего батальона?

– Как это? – не понял Иволгин.

– Ну, вот как это еще можно объяснить?

Я воспроизвел для начальника особого отдела свои мысли относительно действий особиста. Генерал задумался, причем всерьез.

– Так уж прямо шпионом я его назвать не могу, но припоминая некоторые делишки, что тот проворачивал в последнюю неделю, и у меня появились подозрения. Короче, завтра в девять утра жду к себе, нужно все обдумать и кое-что предпринять, все ясно?

– Так точно, – вскинул я руку к виску, перед этим нацепив шапку.

– Свободен, граната твоя? – указал генерал на лежавшую в снегу «феньку». Снег здесь был утоптанным и граната не глубоко провалилась.

– Моя.

– Забирай, до завтра!

Разойдясь в разные стороны, побрел в расположение, попутно пытаясь найти глазами Петю. Куда он спрятался? Блин, он ведь кого-то по голове приложил.

– Командир, я тут! – из-за ближайшей хаты высунулся напарник.

– Петь, ты кого там прибил-то? – подскочив к парню, спросил я.

– Да, боец уж больно прыткий попался. Вынырнул из сарая, что по левую руку стоит, и побежал на выстрел.

– Ну, он хоть живой там?

– Да ни фига ему не будет, я ласково, – улыбнулся Петя. – А хорошо все же, что генерал так вовремя появился, – радостно заметил напарник, ему не хотелось, чтобы я грохнул этого хмыря.

– Наверное, время покажет.

Утро началось для меня в пять утра. Как вы думаете, почему? Не-а, ни фига не немецкая атака. Этот чудак на букву «М», особист который, пришел аж с четырьмя бойцами конвойной роты, меня арестовывать значит. Я даже не думал сопротивляться. Спокойно дал себя обшмонать и даже подставил руки под наручники, ага, их этот упырь тоже принес. Петя пытался что-то сказать, проснулся, когда вертухаи завалились в землянку, но увидев дуло автомата, остался сидеть на нарах. Я только головой ему покачал, давая понять, что не стоит в это влезать. Капитан Мосийчук торопился, это понятно, ему самому утром на «ковер» к начальству. Только вот что мне-то делать, генерал назначил в девять утра, а как я теперь к нему попаду?

– Товарищ капитан…

– Гражданин капитан! – резко оборвал меня особист.

– Да мне все равно, меня начальник особого отдела дивизии будет ждать в девять утра, вы ему не забудьте сообщить, по какой причине я задержусь.

– Не задержишься, трибунал сейчас довольно быстро работает.

– Гражданин капитан, вы же понимаете, что это самоуправство. Вас самого накажут. Ну, посчитали вы, что я вас чем-то обидел, могли бы и понять, люди на передовой, нервы ни к черту, дали бы в ухо и всего делов…

– Ты – ВРАГ НАРОДА! Хорошо замаскированный враг. Я из тебя всю душу вытрясу, всех своих хозяев мне выложишь на блюдечке.

– Да я и так скажу, зачем трясти-то? – удивился я. – Родина, товарищ Сталин и весь советский народ, вот мои хозяева, а у вас разве не так? – Удар у особиста, надо заметить, неплохой. Зуб у меня вылетел так, словно и не было. Сплюнув кровь и вытерев кулаком рот, я решил идти до конца.

– Об этом тоже генералу Иволгину расскажите…

Меня отпинали впятером прямо возле землянки. Ребята пытались вылезти и заступиться, но на автоматы конвойщиков не полезли. Избили крепко, даже до подвала, что приспособили под камеру, дойти я не мог. Вот же, блин, дела… Фрицы не смогли, а свои вот так запросто, да и практически ни за что, до полусмерти забили. Сколько я провалялся в подвале, не знаю. С меня сняли всё, нож со спины, часы, да абсолютно все. Так как забирали меня из землянки не дав одеться, я здорово замерз, без ватника-то прохладно в середине февраля, знаете ли. Ежась от холода, пытался понять, что болит сильнее всего. Не вышло, болело все, да и замерз как твой зяблик. Первые удары я еще старался контролировать, закрывая голову. Упав, скрючился так, чтобы не отбили внутренности, но один черт, знатно обработали. Через пару часов за мной пришли, даже обдумать все не успел. Интересно, спрашивал ли Иволгин у особиста, где я, после того, как я к нему не явился? Неужели Мосийчук вот так запросто сможет соврать? Ведь нас же видел весь мой взвод. Пришли за мной не те бойцы, что обрабатывали меня недавно. Двое, подхватив под руки,

решительно подняли меня и, на удивление, без нанесения мне очередных побоев, потащили куда-то наверх. На улице было темно, не сказать, чтобы уж совсем, но это явно ближе к ночи. Рядом на дороге оказалась машина. Полуторка ожидала под парами, двигатель ровно стрекотал на холостых оборотах. Меня втащили в кузов, имеющий небольшую будку возле кабины, и бросили на доски кузова. Рядом на лавочке разместились охранники, крепкие ребятки, но немцы и поздоровее попадались, не впечатлял меня вид вертухаев. Я все так же был в наручниках, руки болели аж жуть, скоро, наверное, уже и чувствовать перестанут.

– Эй, бойцы, снимите кандалы, никуда я не побегу, руки сейчас отсохнут…

– А нам-то что, твои же руки! – заржал один из конвойщиков.

– Вспомни меня, когда самого к стенке ставить будут за то, что выполняете преступный приказ, хотя вы, может, все в сговоре? – задумчиво произнес я и получил очередной пинок в живот.

Кашлял я, наверное, минут пятнадцать, уж больно удачно мне в живот прилетело носком сапога. Стоп! Какие нахрен сапоги??? Голова, несмотря на побои, заработала со скоростью компьютера. Все наши до сих пор гоняют в валенках, а уж штабные и всякие конвойные тем более, а эти в сапожки вырядились. Сейчас, конечно, не тридцать градусов со знаком минус, как месяц назад, но градусов пятнадцать ниже нуля есть. В сапогах, в любых, ноги отморозишь на раз. Подняв немного голову, попытался разглядеть конвой, темно, ни фига толком не вижу. Здоровые такие, а больше ничего запоминающегося не видно. Покачиваясь на ухабах, полуторка медленно двигалась вперед. Знать бы еще – куда? То, что Мосийчук «засланный казачок», я уже понял, интересно, куда же все-таки везут. Меня было начало катать по кузову, но эти садисты еще и ногами меня к полу прижали, унизительно как-то. Тряслись довольно долго, я даже устал лежать. У машин в этом времени, похоже, подвески вообще нет. Ощущения, что там вместо рессор просто лом запихнули с каждой стороны, вот и вся тебе подвеска. Когда полуторка остановилась, меня почему-то мгновенно вырвало. Прочистив нутро и утеревшись о свое же плечо, навострил уши, уж больно речь тех, кто меня вез, была странной. Дело в том, что даже упорные патриоты своих республик все равно старались говорить на русском языке, привычка видимо. На своих наречиях чаще говорили жители Азии, киргизы, узбеки, туркмены и прочие. А тут такая дивная мова, что аж плеваться захотелось. Это меня что, бандеровцы

выкрали, что ли? Вот это я, блин, попал! Да если бы было хоть одно подозрение, всех бы там, в землянке положил, не спросил бы и как звать, а что теперь делать?

– Эй, москаль, вставай, двигай вперед! – очередной положенный мне пинок, видимо, мысли мои читают, и я начинаю шевелиться.

– Так скажите, куда идти, сам пойду, – бросил я.

– Ты подумай, Семен, какой смирный нам попался, чего этот про него говорил, хитрый и дерется хорошо? – проговорил один бандеровец другому, а затем посмотрел на меня.

– Пошли, куда только? – сделал я очередной вопрос.

– Вперед, и рот закрой, – проговорил тот, которого назвали Семеном.

– Ясно, не пинайтесь, а то долго идти будем. – Один вновь замахнулся, а второй его удержал.

– Не надо, Михась, а то тащить придется, он и так уже все кишки, наверное, выблевал. – Ну, ребятки, до всех-то еще далеко, но я бы не прочь, чтобы вы меня понесли, вы и оружие тогда за спину уберете, да и бить не будете. Мой мозг уже работал на полную катушку. Шли мы по каким-то кустам, на фига, что, обойти-то нельзя, что ли? Так, у того, что справа, рабочая рука левая, меня он ей и приголубил, когда «вразумлял». Рука у него занята, меня тащит, шанс? Мешает второй, в смысле не даст времени разделаться с левшой. А приклад у ППШ довольно тяжелая штука, я таким гитлеровцам головы не раз пробивал.

Ничего сделать не успел. Внезапно из очередных кустов к нам вышли два человека в какой-то странной форме. Вроде и не немецкая, но и нашу не похожа. Черт, да ведь это такие же бандеровцы, как и эти два, что меня тащат, только в своей форме. Блин, хреново, теперь точно не свалить.

– Здорово, Петро, – проговорил один из моих конвоиров.

– И вам не хворать, – ответил низкорослый, лет около сорока мужик, видимо, он и есть Петро. – Это и есть тот москаль, что немцам нужен? – Оппа! А с этого момента поподробнее, каким на хрен немцам? Я даже не понял вначале, что за дела вообще.

– Да, «Особист» вчера передал, сказал, чтобы быстрее увозили, а то его уже ищут по приказу старшего начальства.

– Что, такая шишка? Вроде все-то сержантик, правда, не молодой уже… – Разговор у них был на мове, но я привожу почти дословно, особо-то сложного ничего нет, языки похожи.

– Немцы обещали хорошую награду, он им живым нужен, вроде как в Берлин повезут.

Во дела! Это на фига я фрицам сдался, что аж в столицу рейха хотят вывезти? Мои раздумья были прерваны ответом второго из моих конвоиров.

– Это именно он помешал отбить в том году генерала, что москали выкрали в Сталинграде. Кучу солдат у немцев ухлопал, самому тоже вроде хорошо прилетело, но живой остался. Знаешь, сколько у него на счету, москали записывают каждого, кого он убирал, наш «Особист» рассказывал.

– И сколько? – хмуро спросил один из новоприбывших.

– Больше сотни, а немцы, по слухам, на него уже двести записали. – Да ладно, вы чего, всерьез что ли? Я мысленно только успевал изумляться. Стоят тут, разговаривают, а что я их слышу, даже не обращают внимания. Откуда такая осведомленность? На этот вопрос, к сожалению, я получил довольно расплывчатый ответ.

– Ты-то откуда слышал?

– Так тот майор, что нашему старшому приказ отдавал, рассказал о художествах этого москаля.

– Ну ладно брехать-то, спешить надо, а то светать скоро будет.

Дергаться мне было бессмысленно. Нет, я понял, что забивать они меня до смерти вряд ли будут, приказ у них от фрицев, доставить мою тушку живой, но о здоровье никто не говорил. Они ведь могут меня так уработать, что буду я овощем говорящим, а то и говорить-то не смогу, пинают суки по-серьезному. Ладно, где наша не пропадала, посмотрим, что там за фриц, может, чего ценного выясню, а там и о побеге думать будем, надо немного в себя прийти, сил набраться. Эти-то гады даже воды не дают, одна надежда на немцев, может, накормят? Да и поспать бы чуток не помешало, будем посмотреть, как говорят в Одессе.

Тащили меня долго, я уже все ноги сбил, так эти долбаные конвоиры вначале пинали, подгоняя, а потом, поняв, что я не играю с ними, даже потащили на себе. А мне что, нехай тащат, отдохну хоть немного. Кусты, в которых мои конвоиры встретили своих друзей, оказались опушкой небольшого леска. Двигаться по лесу было невероятно тяжко, молодой ивняк мешал так, что казалось, ноги оплетет, пока идешь через него. Уже начало светать, когда наша небольшая кавалькада выбралась на поле, а минут через сорок нас встретили на машине, ну, хоть пешком больше идти не надо. Закинули меня опять словно мешок картошки. Скрючился весь на полу кузова, кажется, опять «полуторки». Мои мучители уселись кто куда, не особо обращая на меня внимание. Расслабились, эх, как же быть-то? От немцев убежать будет реально сложнее, эти-то вон вообще мышей не ловят. Я лежу у заднего борта кузова, бандеровцы возле кабины, перемахнуть через борт, как два пальца, сил вполне еще достаточно. Другое дело, хватит ли сил свалить? А кто говорил, что я просто побегу куда-то? Я что, дурень, под стволом убегать, да еще и в кандалах? Нет, тут всего пятеро, вместе с водилой, вполне себе можно пободаться, завалят, значит, завалят. Как бы ни хотелось узнать у немцев, зачем я им сдался, но все-таки здравый смысл подсказывает, что нужно «делать ноги». Машина подскакивала на ухабах, скорость была никакой, даже если просто брякнусь из кузова плашмя, снег смягчит падение. На очередной выбоине, водила хоть и сбросил скорость практически до нуля, нас тряхнуло изрядно, конвоиры даже ругаться начали, стуча кулаками по крыше машины. Воспользовавшись тем, что вся четверка бандеровцев, или как их правильно, ОУН, что ли, были заняты тем, что материли водилу, я резко перевернулся и, оказавшись на ногах, просто кувырнулся назад. Падение было довольно мягким, как и предполагал. Колея здесь была набита, но именно что колея, середка была практически сугробом. Плюхнувшись, первым делом пролез в кольцо своих рук, сцепленных наручниками, из-за одежды, а мне эти говнюки перед отъездом дали рваный, старый ватник, это сделать было довольно тяжело. Машина успела отъехать метров на десять, когда заметили мое отсутствие. Я уже бежал вперед, догоняя

ее, когда водитель дал по тормозам. Почему я вообще решил, что у меня что-то получится? Я просто в последнее время здорово подтянул стрельбу из пистолета, не совру, если скажу, что стреляю я действительно хорошо. При чем тут пистолет? Да просто все, один из моих конвоиров, тот, что Михась, все время в пути держал в руках наган, вообще его не убирал. Весь мой расчет был построен именно на том, чтобы оказаться с той стороны кузова, где будет спрыгивать Михась, главное, успеть. Вышло очень даже удачно, даже проще, чем казалось. Михась был первым, кто прыгнул вниз из кузова, и спешился он именно сзади, оказавшись прямо передо мной, я уже пробежал эти метры, что отделяли меня от машины. В руке у бандеровца был наган, я не ошибся, делая на него ставку. Когда противник еще распрямлялся после приземления, я уже бил его ногой в пах. Попал очень удачно, оружие тот выпустил из рук просто мгновенно, схватившись за причиндалы. Черт, хоть и светает, но все же еще темно, наклонившись, разглядел наган на снегу и, поднимая, одновременно спрятался за бандеровца. Вовремя, напарники травмированного мной Михася уже были рядом. Двое спрыгивали по разные стороны машины, а третий прыгал вслед за Михасем. Так как удалось все сделать очень быстро, то смог укрыться за бандеровцем раньше, чем его дружки меня схватят. Три выстрела прозвучали чуть не очередью, спуск у нагана тяжелый, но я привык к нему, частенько стрелял. Все трое бандитов свалились как подкошенные, бью со всего размаха Михасю по голове рукояткой, тот еще не оклемался от удара по яйцам, лежал в снегу словно креветка, ну и провалился в беспамятство он в той же позе. Оставался водила, на удивление, он не вылез из кабины. Упав на снег, оглядываю пространство под машиной, нигде и никого не вижу, блин, да еще и темно. Решив лезть низом, начинаю движение. Проползя под машиной, оказываюсь справа по ходу машины и встаю со стволом в руке. Через окно кабины на меня смотрит удивительно старый мужик, хоть и темно, но разглядел я его вполне хорошо, старик, настоящий старый хрыч. Может, поэтому и не вылез, что толку от него было бы мало?

– Вылезай, дед, приехали! – спокойно произнес я.

– Да пошел ты, курва москальская! – огрызнулся дед, и в его поднятых руках вдруг появился обрез. Два ствола охотничьей горизонталки выстрелили буквально через полсекунды после того, как я присел. Плюхнувшись на задницу, я прямо сквозь дверцу автомобиля выпустил оставшиеся в барабане патроны. Тишина, никакого движения. Осторожно приподнявшись, дергаю ручку двери, распахивая последнюю. Ничего. Заглянув уже более решительно, вижу картину маслом, дед повис на баранке, обрез на полу.

– Ну вот, дед, а я думал, ты просто привлеченный, а оказалось, такой же идейный, как и эти упыри! – Кстати, об упырях. Двинув назад к кузову, к своей радости, нахожу Михася в том же положении, что и минутой ранее. Тот еще не пришел в себя, даже не ворочается. Обшмонав карманы, нахожу ключи от наручников. Немного повозившись, наконец, снимаю их, яростно растираю запястья. Немного усмирив зуд, защелкиваю «браслеты» на руках бандеровца, тот, кстати, так и не пришел в себя. Испугавшись, что, наверное, переборщил, нащупываю пульс, живой, собака. Ладно, пусть полежит, я пока в себя приду. Подобрав одну из шапок, что свалились с бандеровцев, нахлобучиваю на себя. О, голове сразу хорошо стало, а то, если честно, уши совсем уже окоченели. Найдя патроны, перезарядил наган, да и вообще прибарахлился вполне себе удачно. Два ППШ, две «мосинки», обрез деда не считаю, патронов хватало. Оттащив чуть в сторону от дороги трупы, присел отдохнуть, вымотался я жуть как. Начинающий падать довольно крупный снежок укроет убитых быстро, даже заморачиваться не буду. Осмотрев так называемую дорогу, прихожу к выводу, что развернуть прямо тут «полуторку» вряд ли удастся, колея глубокая, застряну. Небо было затянуто тучами и шел снег, но все же стало светлее. Посмотрев назад, туда, откуда мы ехали, решил, что поеду задним ходом, даже рулить особо не нужно, как в анекдоте, «куда она на хрен из колеи денется?» Затащить Михася в машину я уже не смог, слишком выбился из сил, поэтому начал тормошить того, пытаясь привести в чувство. Что-то подозрительно долго он в отключке, достав нож, что забрал у одного из бандеровцев, хорошая такая «финка», кольнул спящего в ногу, о, начал шевелиться, кольнул еще раз. Михась, злобно уставившись на меня, попытался подняться. Облокотиться на руки ему было тяжело, скованы те, поэтому он, не рассчитав, плюхнулся обратно.

– Не торопись, вставай спокойно, – произнес я, – поздно уже торопиться, не успел ты.

– Курва, ты думаешь, что сможешь убежать? Да тут наших полно…

– Да ладно, что-то за тот час, что мы здесь стоим, никто еще не подходил, – искренне удивился я. – Вставай и лезь в машину, нам ехать надо.

– Куда? – заметно сникнув, спросил пленный.

– Откуда вы меня тащили, туда и поедем, надо друга вашего, «Особиста», на чистую воду выводить.

– Да он тебя шлепнет, как только увидит. Свидетели ему не нужны. Ничего ему за это не будет, у него отец в вашем штабе фронта служит, прикроет.

– Прикрою я, всю вашу лавочку прикрою. Думаешь, я к командиру побегу с рассказом, как меня сраные бандеровцы украли? Да я завалю просто и «Особиста», и его папашу, если надо будет, всего и делов-то!

Михась сбледнул с лица. Он понимал, что я точно не шучу. Я и правда так думал, но не придумал еще, как мне вообще появиться в расположении. Что-то у меня предчувствие плохое, наверняка «Особист» пакость какую-нибудь сделал. Надо хорошенько все обдумать.

Загрузившись в машину, я с трудом, но сдвинул этот «пепелац» с места и медленно, крайне медленно начал движение задом. Долго я так не проеду, запарюсь и на дорогу смотреть, и за пленным. К счастью, видимо для разъезда встречных машин, на дороге было небольшое расширение, точнее, просто сугроб был слегка разгребен, до него я доехал минут за десять. В несколько приемов, едва не застряв, переборщив со съездом в сугроб, я, наконец, развернулся. День сегодня был пасмурным, снег сыпал, подгоняемый ветром, и грозил превратиться в метель. Примерно через час непрерывного движения видимость упала просто до нуля. Так как дороги я не знал, да и колею уже не видать, замело почти, я решил немного подождать, авось наладится погодка-то. Нет, все везение, видимо, я выбрал еще в прошлом году. Просидев в машине около двух часов и здорово замерзнув, я плюнул и решил ехать вперед столько, сколько смогу. Если перевернусь или просто застряну, пойду пешком, только вот еще этого кабана Михася тащить придется, упертый, хрен он сам пойдет. Вон сидит, глазами так и рыскает, а мне он, собака, нужен, это едва ли не единственный шанс оправдаться и, возможно, взять за цугундер «Особиста». Как показало время, я не ошибся в своем решении. Спустя какое-то время пурга стала утихать, а на горизонте показался лес, через него меня, наверное, и вели к машине.

– Слышь, бандерлог, машина нас здесь ожидала? – обратился я к успевшему погрустнеть пленному.

– Откуда я знаю, куда ты меня привез, – злобно фыркнул бандеровец.

– Зря ты не хочешь помочь, зачтется ведь.

– Да знаю я вас, как вы хорошее помните, к стенке все равно поставят.

– Так я и говорю, зачтется, на том свете, конечно! – Пленный закусил губу. – Стенку, мил человек, еще заслужить надо. И про какое добро, сделанное тобой, ты сейчас поминал?

– Я не буду ничего говорить, хрен чего вы из меня вытрясете…

– Ой ли? Парень, ты ведь еще не в плену, это там будут простые костоломы, кстати, бывает, что они и не могут расколоть. Ты же сейчас со мной, а я очень люблю слушать, что говорят пленные. Не поверишь, в Сталинграде даже немец вдруг на почти понятном русском языке заговорил, лишь бы его от меня убрали, хочешь, покажу, что я ему сделал? – Бандеровец хоть и крепился, но было видно, реально боится.

– Я все равно ничего не скажу, хоть убивай! – попытался он в последний раз показать себя сильным человеком.

– Знаешь, по многочисленным наблюдениям, такие здоровяки, как ты, плачут и причитают гораздо громче, чем маленькие и хлипкие. А убивать тебя мне не нужно, мертвые не говорят.

Разговаривая, я остановил машину и вышел из кабины. Подойдя к дверце пленного, я открыл дверь и качнул головой.

– Вылезай, поболтаем немного. – Тот замешкался. Для того чтобы принять решение, у пленного ушло секунд двадцать. Он внезапно попытался выпрыгнуть. Ухватившись за дверной проем обеими руками, он привстал с сиденья, намереваясь выпрыгнуть из кабины. Я только этого и ждал. Хлопнув со всей силы дверью, я придавил руки бандеровца, пару пальцев точно сломал. Тот даже не орал, сидел в шоке с минуту, а позже уже заливался соловьем. Дело в том, что дверь была так, прелюдией, дальше действие началось. Все еще прижимая дверь телом, я вытащил «финку» и, поставив ее на один из пальцев, что оказались в проеме, просто отделил пару фаланг на правой клешне Михася.

– Сука, ты чего делаешь? – орал и блажил пленный.

– Отрезаю тебе палец, по кусочку, если не понял.

Бандеровец попытался втянуть окровавленные кисти рук внутрь кабины, какое там, я, навалившись всем телом, продолжал давить на дверь. От боли, или от безвыходности, пленный дергался, тем самым причиняя себе еще более сильную боль. Отрезав у бандеровца под его истошные крики еще пару пальцев, я наконец отпустил дверь.

– Ну, надумал общаться? – я весело смотрел на врага. – У тебя еще много чего есть, что отрезать можно.

Михась уже «поплыл». Перескакивая с украинского на великий и могучий, вываливал все, что знает. Я поначалу даже и слушал-то не особо внимательно, но вскоре весь превратился в слух. Эти гадские ОУНовцы были реально везде. Нет, их, конечно, мало, но, блин, до штаба фронта нити тянутся. А почему не выявляют? Так они ведь ни фига не в пехоте служат, будут они все при штабах, на разных должностях и в немалых званиях, но больше всего их именно в особых отделах. Как они туда проникали? Оказалось, в основном до войны еще, да и в сорок первом в той неразберихе пролезли в органы. Тогда было проще, столько архивов уничтожено было, еще больше просто потерялись, так что особого таланта и не требовалось. А уж с каким рвением они служили в РККА… Понятно, для чего они среди наших бойцов и командиров предателей выискивали, убирали ведь, суки, самых лучших. Компрометация, подлог, просто ложные обвинения, эх, сколько людей погубили за столько времени. Когда мы вошли в лес, Михась вдруг заорал, на своем орал, но было все понятно. На помощь, гад, звал, и ведь докричался. Откуда-то ударил автомат, между нами с пленным пронеслась цепочка фонтанчиков от выпущенных пуль. Падаю в снег, перекатиться не получается, снегу много. Прячусь за деревом и вижу, как Михась, переваливаясь, с трудом переставляя ноги, пробирается по сугробам в сторону стрелявших.

– Ну уж нет, даже если и вернусь без «языка», ты жить все равно не будешь.

Короткая очередь и, раскинув в стороны руки, бандеровец валится лицом вперед. Тотчас с того направления заработали как минимум три ствола, все автоматические. Давайте, давайте, стреляйте, подходить-то все равно боитесь, да и вряд ли вас там много. Бандеровцы, а это были явно они, скорее всего, имеют тут схрон, в котором можно отсидеться, только вот вряд ли убежище сможет вместить много людей, человек пять, может шесть, думаю, не больше.

Где-то в пяти или шести метрах от меня рванула граната, явно не добросили. Судя по маленьким вспышкам выстрелов, противники, скорее всего, не близко, раз гранату не добросили. На секунду, взмахивая руками, появляюсь из-за дерева и ору. Опасно, да думать некогда. Решил я врагов вытащить на тропинку, по которой мы с пленным и шли. А что, хоть ползать по лесу не придется, а то сдохну уставшим. Пока противник не проявляет любопытства, все так же редко постреливает. Черт, да ведь там явно кто-то в одиночку постреливает, обходят, суки, подождем. Автомат лежал рядом, но я специально кинул его так, чтобы бандиты, подойдя, увидели его в первую очередь и дали мне пару секунд на то, чтобы я вытащил пистолеты. У меня их два теперь, Наган я нес в сидоре, а вот в карманах лежали два ТТ. Тут нужен автоматический пистолет, с револьвером больно уж возни много, а тут у меня и запасные магазины есть, да и вообще попроще будет.

Легкой прогулки не вышло. Когда от пинка сапогом в сторону полетел мой ППШ, я рванул пистолеты, срезать успел только двоих. Третий и последний, гад, стоял чуть поодаль, страхуя. Дернуло левую руку и левую часть груди. Падая, все же смог поймать на мушку последнего стрелка и дважды выстрелить. Судя по тому, что никто не подошел и не добил, я все же завалил их всех. Хорошо, но мне и самому досталось, причем, похоже, серьезно. Рука просто онемела, в груди что-то чешется. После Сталинграда раны уже особо не пугали, всякое в меня прилетало, но боль от этого слабее не была. Пока не вырубился, решил ползком найти схрон бандеровцев. Как позже оказалось, тот был совсем рядом. Очутившись внутри, обрадовался имеющейся печке, маленькая такая, но замерзнуть не даст. Пока искал схрон, успел подобрать пару автоматов и несколько дисков с патронами к ним. Люк в берлогу бандитов закрывался изнутри на довольно прочный засов, а сам вход замаскирован под большой елью. Нашел случайно, снег с елки был сбит, видимо, бандеровцы, вылезая, лапы задели, вот тот и осыпался. Конечно, если будут искать, то и меня по этой же примете найдут, да еще дым от печки хоть и выходил метрах в двадцати от берлоги, и шел по стволу еще одной огромной ели, но все же дым учуять можно на очень большом расстоянии. А берлога была капитальная. Все внутри выложено лапником, а сверху набросано большое количество сена. Имелись одеяла и пара ватников. Решил натопить здесь как следует, а потом как можно дольше не разводить огонь, мне бы только раны осмотреть, перевязаться, да и топать отсюда. Что раны не смертельные, было понятно сразу, раз даже не вырубился, значит, жить буду. В небольшом углублении нашел замаскированную нишу, в ней был припрятан хороший набор перевязочных средств, даже какие-то лекарства, все надписи на немецком языке. Рисковать не буду, траванешься еще, а вот спирт я определил сразу. Огонь уже хорошенько взялся за уложенные

в печурку пару поленьев, и внутри становилось теплее. Раздевшись по пояс, холод почти не ощущался, я занялся осмотром. У бандитов даже бинт был, а не тряпки, хорошо живут враги советского народа. Жили, точнее. Как бы то ни было, но задерживаться мне здесь точно нельзя. Тропинка в лесу хоть и малохоженая, но все же бандеровцы наверняка здесь меняются, а когда найдут трупы в лесу, тогда и до меня доберутся. Рука была прострелена навылет, кровь текла, но как-то вяло. Одежка помогла, точнее, ее количество. Нательная рубаха, быстро прилипнув к ране, не дала мне потерять много крови. Промыв рану сверху, чистить, конечно, не буду, слабоват я для этого, да и инструментов все равно нет, плотно забинтовал. Закончив, занялся раной на груди. Как и ожидал, лишь большая царапина, ну, может еще ребро треснуло, удар-то приличный был. Смыв запекшуюся кровь, свежая не текла, начал обматывать вокруг груди бинт. Сделав тугую, весь бинт извел, повязку, попробовал пошевелиться, блин, как корсет надел или бронежилет, так же неуклюже себя чувствую. Закончив с ранами, точнее с их обработкой, откинулся на мягкую подстилку из соломы.

«Еще бы сожрать чего-нибудь, было бы вообще все хорошо», – мелькнула мысль. Пошарив глазами по сторонам, без фонарика темно, слабый отсвет от печки света почти не дает. Я когда «аптечку» искал, у меня печь была открыта, вот и разглядел нишу случайно, сейчас же было очень темно. Пошарив по стенкам руками, в одном месте рука провалилась в пустоту. Разворошив сено и лапник, обнаружил ящик, блин, взрывчатка.

«Кого эти суки готовились поднять на воздух?» – Я почесал затылок. Тут немецкой взрывчатки было килограммов двадцать, не меньше, серьезный запас. Рядом в нише отыскал два автомата, кучу патронов и несколько гранат. Жратва обнаружилась в еще одной нише. Тушенка, сгущенка, немецкие сосиски и хлеб, запаянный в пакет. Был чай россыпью, а вот посуды почему-то не видать, хотя печка вполне позволяет поставить на нее сверху небольшой чайничек или кастрюльку. Достав нож и для начала протерев его спиртом, вскрыл банки. Закончив прием пищи, сыто и устало растянулся на сене. Черт, на фига я столько сожрал, мне же теперь спать захочется, сто процентов. Рука болела все меньше, в груди вообще было спокойно, лишь когда ворочаться в берлоге начинаю, то стреляет что-то, наверняка ребро сломано, схожие ощущения. Осмотрев подобранное оружие, чистить не стал, тупо жалко время и силы тратить, эх, мне бы сейчас поспать, а там бы и силенок прибавилось, но нельзя, я и так тут уже задержался. Поменяв диск в ППШ, брать я решил с собой только один автомат, тяжело. Зарядил пистолеты и, осмотревшись, все ли нужное взял, полез наружу. Короткий зимний день уже клонился к вечеру, шел небольшой

снежок, надеюсь, он прикроет следы боя, да и трупы ОУНовцев присыплет. Направление, откуда меня сюда привели, я помнил, поэтому, выбравшись на тропу, медленно направился в нужную сторону. В лесу было тихо, жаль, что лесок этот, так, одно название, рощица скорее всего. Хорошо еще, что мы не южнее, а то там и вовсе растительности нет. Здесь же, на северо-востоке Украины, леса были. Лес я помянул не просто так, там, под Котельниково, мы здорово намаялись в степи, как воевать в лысой как коленка степи, у меня в голове не укладывалось. Пройти удалось только до выхода из рощи, когда почувствовал, что надо срочно отдохнуть, иначе просто сдохну. Найдя чуть в стороне от тропы поваленное дерево, добрел до него и уселся на ствол. Приличная такая елочка, метра полтора в обхвате. Глотнув из фляги, что также нашел в схроне бандеровцев, спирт отлично прогревал, главное, не переборщить, а то свалюсь где-нибудь в сугроб и замерзну, как пить дать.

Спустя час примерно стало уже темно, я выбрался на укатанную дорогу, наверняка по ней меня и везли. Идти стало совсем тяжко, болит все тело, да и холод пробирает все сильнее. Сколько мне топать, представления не имею, на машине везли довольно долго. Больше всего меня и радовало, и настораживало полное отсутствие каких-либо боевых действий на таком большом отрезке местности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mishin_viktor/prevratnosti-sud-by

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить